

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Поэтика чудесного и обыденного в святочных рассказах

Н. Лескова

Исполнитель Овчинникова Нина Сергеевна

(фамилия, имя, отчество)

Руководитель доктор филологических наук, профессор

(ученая степень, ученое звание)

Ерофеева Наталья Евгеньевна

(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой

(подпись)

кандидат педагогических наук, доцент

(ученая степень, ученое звание)

Кипнес Людмила Владимировна

(фамилия, имя, отчество)

«15» января 2025 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2025

Содержание

Введение	4
Глава I. Пути развития святочного рассказа в русской литературе до Н. Лескова	10
1.1. Из истории становления святочного рассказа	10
1.2. Святочный рассказ в русской литературе XIX века	16
1.3. «Ёлочная» литература и святочный рассказ	23
1.4. Особенности социальных и эстетических взглядов Н. С. Лескова	27
Глава II. Художественное своеобразие святочных рассказов Н. Лескова	38
2.1 Мотив чудесного в ранних святочных рассказах Н. С. Лескова	38
2.2. Вера и безверие как основной элемент проявления чудесного в святочных рассказах Лескова	43
Выводы по второй главе	52
Заключение	55
Список литературы	58

Аннотация

В работе рассматривается святочная повесть Н. С. Лескова, обосновывается новаторство писателя в разработке жанра, анализируется поэтика обыденного и чудесного в его произведениях, прослеживается развитие готических традиций, соотносятся традиции рождественских и святочных рассказов в контексте календарной литературы. Особое внимание уделено социально-философским взглядам автора, которые нашли отражение в изображении обыденного и чудесного в рассказах «Жемчужное ожерелье» (1885), «Привидение в Инженерном замке» (1882), «Жидовская кувырколлегия» (1882), «Дух госпожи Жанлис» (1881), «Путешествие с нигилистом» (1882), «Старый гений» (1884), «Маленькая ошибка» (1883) и др.

Введение

Николай Семёнович Лесков (1831-1895) является важной фигурой в литературе второй половины XIX века. Хорошо известны такие произведения Н. С. Лескова, как «Леди Макбет Мценского уезда» (1864), «Соборяне» (1868-1872), «Запечатлённый ангел» (1872), «Очарованный странник» (1872-1873), «Левша» (1881), «Захудалый род» (1874), которые по-прежнему интересны читателю, ставятся на русской сцене. Любитель театра, Н. Лесков сам пробовал себя в роли актера и признавался, что был «недурным актером», с удовольствием играл в благотворительных спектаклях. Его повести и рассказы часто инсценировались. Среди них «Расточитель», «Блоха», «Грушенька», но самой популярной остается «Леди Макбет Мценского уезда». «Среди последних постановок – «Соборяне» в московском драматическом театре им. Н. В. Гоголя (афиша на 02 февраля 2025 года).

В 1894 году М. Меньшиков писал о Н. С. Лескове: «И друзья, и враги Лескова признают, что он занимает совершенно самостоятельное место в литературе, что он стоит особняком, что если он не создал своей школы, то и сам ни к какой не примкнул» [Меньшиков, 1894, 161].

Особо выделял Н. С. Лескова М. Горький, который считал его «самобытнейшим писателем русским, чуждым всяких влияний со стороны» [Горький, 1953, 237].

Творческий путь Н. С. Лескова охватывает более тридцати лет – с 1861 по 1894 год. Круг писателей, с которыми Н. С. Лесков когда-либо встречался и общался, был чрезвычайно широким и разнообразным. К ним можно отнести Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского, участников Пушкинского кружка. При этом все отмечали, что он никогда не следовал за своими кумирами. Н. Лескову был свойственен дух соперничества, на новые литературные открытия и решения всегда пытался найти свой ответ.

Первый литературный опыт Лескова приходится на 60-е гг. XIX века, то есть после реформы 1861, и этим обусловлена тематика его произведений.

Первыми опубликованными произведениями стали повесть «Овцебык» (1863) и роман «Некуда» (1864), в которых Н. С. Лесков высмеял нигилизм и его последователей. В результате Н. С. Лескова сразу причислили к писателям антинигилистам. Отсюда много споров вокруг его личности, в частности, М. Антонович характеризовал роман «Некуда» как «чудище», В. Зайцев полагал, что Н. С. Лесков перенёс в литературу подслушанные сплетни, Д. И. Писарев и М. Е. Салтыков-Щедрин считали роман «изделием» и отказывали ему в художественности, М. Протопопов полагал, что «Некуда» является образцом того, как «ненависть омрачает духовные очи писателя», а А. Волынский, высоко оценивавший творчество Н. С. Лескова, отмечал отсутствие «настоящего искусства» в романе. Статья Д. И. Писарева «Прогулки по садам российской словесности» спровоцировала бойкот писателя во многих журналах.

Следующим значимым произведением Н. С. Лескова является повесть «Леди Макбет Мценского уезда» (1864), открывающая для русского читателя тему любви и преступления ради любви.

Однако самые яркие произведения Н. С. Лескова будут посвящены осмыслению русского характера. Его привлекала судьба простого человека. И если в «Левше» он прославлял талант мастера-самородка, то в «Очарованном страннике» уже сближался с И. Тургеневым в попытке осмыслить жизнь как явление.

Н. С. Лесков пробовал себя в разных жанрах, от сказок до романа-путешествия и постоянно пытался осмыслить российскую реальность сквозь призму добра и зла, поэтому когда был опубликован его цикл «Святочных рассказов», то перед русским читателем предстал философствующий писатель, новатор, под пером которого святочный рассказ приобрел свои характерные черты, став не только частью так называемой календарной литературы, но и предложил читателю удивительный мир, в котором чудесное и обыденное составляют основу любой истории его персонажей и открывают

новые грани понимания мира обычного человека, о чём свидетельствует, например, его «Жемчужное ожерелье» (1885).

Святочный жанр, к которому обратился Н. С. Лесков в русской литературе тесно связан с так называемой календарной прозой. О путях развития этой прозы писали Н. Н. Старыгина, Т. Н. Козина. В статьях Н. Н. Старыгиной рассматриваются пути развития и становления святочного жанра как такового, прослеживаются его связи с народной и европейской культурой, а в работе Т. И. Козиной «Жанровое своеобразие рождественского и святочного рассказов» даётся характеристика названных жанров, доказывается, что отличает от рождественского святочный жанр. Обязательным критерием рождественского жанра называется совершение светлого рождественского чуда и обращение человека к Богу, а в святочном присутствует только мистификация, которая в конечном итоге должна исчезнуть, раствориться, оставив преображенным мир и саму жизнь.

Т. И. Козина рассматривает различные истоки жанров: рождественский – европейский рождественский рассказ, святочный – быличка, бывальщина. Время действия у святочного рассказа шире, нежели у рождественского, который охватывает только Сочельник и Рождество, тогда как святочный охватывает Рождество и Святки. Рождественскому рассказу, в отличие от святочного, свойственно упоминание исторических персонажей, таких как Богородица, Иосиф, Младенец, волхвы, пастухи, царь Ирод. Традиционные герои рождественского рассказа – сиротка, семья; святочного – inferнальные силы. Особенностью поэтики рождественского рассказа являются молитвы, обращения к Богу, Богородице, святым, святочного – гадания, ряжение, игры [Козина, 2017, 143]. Наиболее подробный анализ становления жанра был рассмотрен в монографии Е. В. Душечкиной «Русский святочный рассказ: становление жанра» (1995). Эти работы стали ориентиром в нашем исследовании святочных рассказов Н. Лескова.

К творчеству Н. С. Лескова обращались многие исследователи, среди которых можно выделить работы И. Видуэцкой, Б. Р. Напцок,

М. М. Меретуковой, Н. Н. Старыгиной, Е. С. Шкапы, И. К. Клюхи, О. В. Макаревич, Р. Х. Хайдаровой, Л. З. Самигуллиной и других.

Особое внимание привлекает работа И. К. Клюхи «Образ-символ вещи в святочных рассказах Н. С. Лескова «Жемчужное ожерелье» и «Неразменный рубль» (2015), в которой впервые в святочном рассказе Н. С. Лескова рассматривается своеобразие вещного мира в его произведениях.

Среди последних работ особенно выделяются работы Е. С. Шкапы (2023), направленные на исследование интертекстуальности и автоинтертекстуальности текстов Лесков, она же отмечает: «Н. С. Лесков сознательно устанавливает автоинтертекстуальные отношения между своими святочными рассказами и другими произведениями, принадлежащими его перу. Анализ межтекстовых связей в ракурсе ключевых понятий «вера» и «неверие» помогает понять мировоззренческую позицию писателя, разглядеть двойственность русского религиозного самосознания, чудеса истинные и чудеса мнимые, соотнести контекстуально оппозиционные образы героев». [Шкапа, 2016].

Мотив чуда в русской литературной традиции впервые представлен в работах Д. А. Завельской, которая в своей статье «Мотив чуда в изображении христианского праздника русской литературной традицией» (2019) поднимает данную тему. Также она прослеживает типологию изображения чуда в русской литературной традиции. Другой элемент, с которым она приурочивает момент чуда в русской литературе – это христианский взгляд на мир, который в своей идее уже несёт чудо [Завельская, 2019].

Интересно представлены художественные открытия в повестях Н. Лескова в жанровом аспекте в диссертации И. В. Поздиной (2009), в которой особое внимание уделено мифологическим моделям в творчестве писателя, анализируется роль духовных жанров в прояснении концепции любви в повестях «Житие одной бабы» и «Леди Макбет Мценского уезда».

Отдельным предметом изучения стала публицистическая деятельность Н. Лескова. Подробно она рассмотрена в диссертации Е. Ю. Калесник «Публицистическое наследие Н.С. Лескова начала 1860-х годов» (2018).

Анализ источников показал, что мотив чудесного и обыденного в святочных рассказах Н. Лескова специально не рассматривался, чем и определяется **актуальность** нашей работы, как и потребностью обосновать авторское новаторство Н. С. Лескова в решении святочной темы в его цикле святочные рассказы, проанализировать особенности поэтики чудесного и обыденного в произведениях цикла «Святочные рассказы».

Объектом исследования является цикл «Святочные рассказы» Н. С. Лескова.

Предмет исследования: поэтика чудесного и обыденного в святочных рассказах Н. С. Лескова.

Цель работы – анализ элементов чудесного и обыденного и способов их создания в святочных рассказах Н. С. Лескова.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач:**

- проследить пути становления святочного рассказа в русской литературе;
- изучить особенности ёлочной литературы в контексте рождественского и святочного рассказа;
- рассмотреть взгляды Н. Лескова на общество и литературу, обосновать своеобразие эстетики писателя в контексте его духовных исканий;
- обосновать своеобразие поэтики чудесного и обыденного в «Святочных рассказах» Н. Лескова.

Научная новизна данной исследовательской работы состоит в рассмотрении новаторства писателя в изображении обыденного и чудесного в цикле «Святочные рассказы».

Теоретическая значимость в том, что в рамках студенческой работы дается анализ поэтики жанра святочного рассказа, в частности обыденного и

чудесного в святочных рассказах Н. Лескова, уточняется место автора в истории развития календарной литературы.

Методологическая основа исследования. Методологическую основу исследования составили работы ученых в области теории литературы, истории культуры, работы литературоведов, посвященные наследию Н. Лескова: Е. В. Душечкиной, Е. Ю. Калесник, И. К. Клюхи, Т. Н. Козиной, О. В. Макаревич, М. М. Меретуковой, Б. Р. Напцок, И. В. Поздина, Н. Н. Старыгиной, Р. Х. Хайдаровой и др.

Методы исследования. В работе используются аспектный, биографический и сравнительный методы на основе историко-культурного подхода.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования результатов в практике изучения творчества Н. С. Лескова в курсе «История русской литературы второй половины XIX века».

Материал исследования: цикл «Святочных рассказов» Н. С. Лескова, в том числе «Жемчужное ожерелье» (1885), «Привидение в Инженерном замке» (1882), «Жидовская кувырколлегия» (1882), «Дух госпожи Жанлис» (1881), «Путешествие с нигилистом» (1882), «Старый гений» (1884), «Маленькая ошибка» (1883) и др..

Структура работы: выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

Апробация работы. Результаты работы были представлены в форме доклада на I Всероссийской научной студенческой конференции «Современная наука: вызовы, перспективы и возможности» (18.11.2024), опубликованы тезисы в сборнике по итогам конференции.

Глава I. Пути развития святочного рассказа в русской литературе до Н. Лескова

1.1. Из истории становления святочного рассказа

В самом названии святочного рассказа прослеживаются его глубокие корни, отсылающие нас к самому празднику Рождества Христова, который, согласно церковному уставу, длится двенадцать дней, от Рождества до Богоявления, это время иначе называют Святками, то есть святыми днями. По-другому их ещё называют святочными вечерами, вероятно, данное название исходит из того, что события Рождества и Богоявления совершались в вечернее время, а также, согласно церковному дню, сам праздник начинается уже вечером 6 января. Однако ещё до принятия на Руси христианства в это время существовали другие языческие традиции. В день Рождества Христова раньше на Руси был другой праздник – день, когда солнце поворачивало на лето. Сопровождался данный праздник различными ряженьями, гаданием, обрядовыми и подблюдными песнями, увеселениями, пиршествами, колядованием. После того, как «христианские правила установили праздновать Рождество Спасителя, называемого в церковных песнях «праведным солнцем, пришедшим с востока», то древнеязыческий праздник рождающемуся солнцу и был приурочен к рождественским святкам», – отмечал А. Н. Афанасьев [Афанасьев, 1988]. Подобный переход и определил дальнейшее его празднование на Руси с весельями и карнавальными гуляньями. После дневных игрищ люди обычно святым вечером обычно зажигали лампадки перед иконами и вспоминали жизнь и заповеди Иисуса Христа. Они стремились возвыситься в своих мыслях, в своей душе как можно ближе к Богу. «Перед вечерю хозяин дома зажигает у образов лампадку и восковые свечи и кадит ладаном; вся семья благоговейно молится Богу и потом усаживается за стол...» [Там же]. Праздник Рождества стал семейным праздником, отмечался широко, размашисто, в кругу близких людей.

Праздничные действа стали со временем приобретать театрализованный характер, ряжение в том числе.

Традиция ряженья на Руси уходит корнями в язычество и напрямую связана со скоморошеством. Также она является частью вертепного действа. Вертеп – это мистерия рождественской истории, бытовавшая в Европе и получившая свой расцвет на Руси в середине XV века. В свою очередь, стоит отметить, что мистерия в западно-европейской и русской традициях имели существенное различие, которое заключалось в следующем. Священнослужители принимали участие в данных мистериях на западе, пытаясь донести библейские истории до людей, в то время как на Руси, участие в подобных мероприятиях являлось грехом, следовательно, не только священнослужители не участвовали в подобных театральных представлениях, но и всякого рода ряжения преследовались церковью. Однако, несмотря на это, ряжение, представленное скоморохами, было широко распространено и получило своё выражение в народе, как в устном, так и в письменном творчестве. Свидетелем тому служат многочисленные книги и сочинения русских писателей – П. Алеппского «Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву» (1656), книга секретаря посольства 1630-х годов А. Олеария «Путешествие в Московию» и другие.

Помимо ряжения, гаданий и святочных гуляний на Руси существовала и другая традиция – рассказывание быличек. Вечерами в Святые дни люди ходили друг другу в гости и рассказывали различные чудесные истории, действие которых происходило чаще всего на святках и было связано с чудом. В этих историях люди рассказывали о прошлых святках, о том рождественском чуде, которое произошло с ними или с их близкими. Эти истории чаще имели счастливый конец. Однако чаще всего эти истории носили в то же время мистический характер. Люди считали, что в это время очень «бушует» нечистая сила. Люди сами не уходили далеко от неё, они специально гадали, поскольку знали, что концентрация нечистой силы в определённых местах и в определённое время, особенно на святках, велика.

Отсюда и появляются сюжеты различных быличек – о гаданиях, о встрече с нечистой силой и другие.

Что касается отношения христианской церкви, то она запрещала разного рода гадания, гуляния и ряжения, тем более на святках. Тому примером служат грамота царя Алексея Михайловича о коляде 1648 года [Москвитянин, 1843] или же указ патриарха Иоакима 1684 года, в котором говорится, что в навечерие Рождества Христова «мужи с женами и девки ходят по улицам и переулкам <...>. И преображающиеся в неподобныя от Бога создания, образ человеческий прменяюще, бесовское и кумирное личат, косматые и иными бесовскими ухищрениями содеянные образы на себя надевающе, плясаньми и прочими ухищреньми православных христиан прельщают...» [Полное собрание законов Российской империи (1676-1698)].

Со временем традиции и обычаи меняются, теряются или становятся иными. Те традиции и обычаи празднования Рождества всем миром, ряженья, театральные действия и прочие веселья, которые сохранились в деревне, не смогли прижиться с городской жизнью. Однако семейная направленность этого праздника гармонично вписалась в культуру городской жизни. Праздник был светлым и добрым, вокруг царили уют, мир, милосердие и гармония, а также добрососедство, все старались друг другу помочь. Все прощали друг другу обиды, все друг другу радовались. Люди вспоминали о жизни Иисуса Христа, вспоминали события Рождества Христова и Крещения, они собирались вместе, читали Евангелия, апокрифы, а также рассказывали лёгкие для восприятия и трогательные истории о бедняках, о любви, о милосердии, о том, что возможно измениться, что добро побеждает зло.

В XVIII веке отношение разных слоёв к той традиции святочных гуляний становится менее однозначным. С одной стороны, духовенство, как и ранее остаётся против подобных мероприятий, а с другой стороны, некоторые священники даже принимают в свой дом ряженных. С одной стороны, город своим строем показывает сложность устраивания подобных игр, просвещённые лица того времени даже из среды провинциалов начинают

пренебрежительно относиться к подобным святочным мероприятиям, а с другой, – как отмечает Н. Н. Трубицын, – святки «интересовали усадьбу, особенно молодёжь, более и дольше, чем все другие забавы» [Трубицын, 1912].

В то же время, А. Т. Болотов вспоминает, что его мать обычно на Рождество и святки созывала гостей, всех родственников и знакомых: «Зятю моему оказывали они все отменное почтение, а как он любил повеселиться, то заводимы были всякие святочные игры и деревенские увеселения, и он гостями нашими был доволен» [Болотов, 1851]. Отмечались святки и в провинциальной мещанской среде, однако о том, что даже там они носили противоречивый характер, свидетельствует анонимная комедия 1774 года «Игрище о святках». Представления о вере непросвещённых людей того времени показаны при описании сестры богатого ремесленника Фетины: «...она все подобные тому обряды за правило веры почитает и думает, коли кто в святки не наряжается, не слушает или не поёт подблюдных песен <...>, тот недолго проживёт на свете или по крайней мере будет несчастлив» [Игрище о святках]. А Болотов в то же время и иронически относится к подобного рода игрищам [Болотов, 1851]. То же ироническое отношение к святочным мероприятиям можно встретить и в анонимных стихотворениях, опубликованных С. М. Любецким [Любецкий, 1872]. Противоречивое отношение к святочным увеселениям подтверждает «Игрище о святках» (1774), где между героями образуется два лагеря, в которых – одни за проведение подобных игрищ, а другие – против. В результате данного спора хозяин заявляет: «Посмотри, бывают ли когда игрища у знатных господ? В Питере также игрищи совсем из употребления вышли» [Игрище о святках].

Отход от празднования Рождества и святок является не только результатом просветительской деятельности Церкви, но и представлений о моде. И когда в городах перестали активно праздноваться святки, то и в деревне старались прекратить эти традиции.

Однако в XVIII веке наблюдается обратный процесс возрождения святок. Любопытно, что данный процесс происходит не снизу вверх, а, наоборот, сверху вниз, от высших слоёв русского общества. В петровскую эпоху инициатором проведения святочных гуляний выступал царский двор. Отсюда и городская знать прибегала к подобным увеселениям, отдавая дань моде. О подобных увеселениях в данное время свидетельствует множество документов [Харузин, 1897].

Святочные увеселения были также модны при Елизавете Петровне и Екатерине II. Притом с середины XVIII века возникает мода на всё русское. Однако, святочные гуляния представляли собой уже не продолжение народных традиций, а их вульгарную реконструкцию, отчего они утрачивали свой первоначальный магический смысл. В связи с этим, их воспроизведение приобретало комический подтекст. Это было смешение европейских балов и псевдонародных игр. В этот же период двор, а затем и петербургская знать перенимают западную традицию маскарадов, частично связанную с былой русской традицией ряжения, однако маскарадам было свойственно уже разнообразие в лице персонажей.

В XVIII веке на святки накладывается ещё один праздник. По указу Петра I с 1 января 1700 года стали праздновать Новый год. В указе Петра I также говорилось о необходимости украшать дома и ворота сосновыми, еловыми и можжевельновыми деревьями, а также запускать небольшие пушки, ракеты и зажигать огни [Любецкий, 1872]. Данное изменение также коснулось и церковь. Уже с начала XVIII века возникают религиозные тексты о Новом годе, в богослужебных книгах появляется чин последования Нового года, а также возникают приветственные речи проповедников в день Нового года, многие из которых сохранились от эпохи Елизаветы Петровны, как отмечает А.А. Покровский [Покровский, 1911]. Отсюда появляется новая традиция – поздравлять друг друга с Новым годом.

Постепенно в это же время в моду входят календари, которые пользуются большой популярностью у обывателя, зачастую являясь единственным его чтением.

Что касается классической литературы, то для неё тема святок в то время считалась низкой. В то же время активно продолжает развиваться «календарная» проза, связанные с ней новогодние оды, а также произведения, вышедшие из-под пера писателей разночинного круга, как например, комедия «Игрище о святках» или «Повесть о Фроле Скобееве».

Всё бытовавшее в устной речи постепенно приобретает свою письменную форму. Со второй половины XVIII века некоторые литераторы демократического круга начинают осознавать важность культурных традиций. Увлечение народностью вполне характерно для эпохи предромантизма, в которую жили эти писатели. В это же время появляются фольклористские и этнографические работы М. И. Попова, М. Д. Чулкова и В. А. Левшина. Они представлены не столько в научной форме, сколько для увеселения читателей. В их текстах, содержатся сюжеты и рассказы, бытовавшие ранее в «быличках».

Отдельный пласт составляет святочная драматургия XVIII века. К числу наиболее известных пьес святочного действия русского народного театра можно отнести «Царь Максимилиан», «Шайка разбойников», «Маврух», «Лодка («Шлюпка»», «Параша», «Мнимый барин». Однако, любопытно, что все эти тексты, будучи тесно связаны со святками типом отношения к жизни (смертью, насмешкой над старостью, обманутым мужем), не имели святочного сюжета. К постановкам народного театра также относятся постановки кукольного театра, в котором также присутствуют рождественские драмы и вертепные действия.

Святочная, но не фольклорная драматургия возникает на рубеже веков – в конце XVII – начале XVIII века. Она зарождается под влиянием западных рождественских мистерий. Подобные действия ставились взрослыми школьниками или подьячими. Они также были распространены в XIX веке.

Со второй половины XVIII века появляются комедии или комические оперы, либо связанные сюжетом, либо изображающие святки. К таковым можно отнести уже упомянутую комедию «Игрище о святках» 1774 года, а также комическую оперу «Вечеринка, или Гадай, гадай, девица, отгадывай, красная» и комедию И. Я. Соколова «Святошная шутка», которая шла на сцене Вологодского театра в 1780 году. Иногда в демократической драматургии встречаются произведения, не относящиеся к святочному жанру, но имеющие в себе упоминание о святках, как например, в комедии А. О. Аблесимова «Мельник – колдун, обманщик и сват». Огромной популярностью пользовалась опера С. Н. Титова на либретто А. Ф. Малиновского «Старинные святки» 1799 года. Она пользовалась успехом в течение тридцати лет. О данной опере писали положительные отзывы Жуковский, Пушкин, Ушаков.

На протяжении всего XIX века русская святочная драматургия пользовалась спросом у публики. К числу произведений можно отнести следующие – «народная драма» А. А. Шаховского 1831 года «Двумужница, или За чем пойдёшь, то и найдёшь», «драматические сцены» «Ночь на Рождество» (1834) П. П. Ершова, анонимный водевиль «Приезд жениха, или Святочный вечер в купеческом доме» (1842), «картина старинного быта» «Русские святки» П. А. Каратыгина (1856), «зимняя сцена из русского быта» «Святки» М. А. Стаховича (1860), «святочная сцена из русского быта» «Суженый-ряженный» В. А. Тихонова (1896) и многие другие.

1.2. Святочный рассказ в русской литературе XIX века

Следующий этап становления святочного жанра связан с творческими поисками эпохи романтизма. Выдающуюся роль как в святочном обиходе, так и в святочной литературе, сыграла баллада В. А. Жуковского «Светлана», которая вышла в свет в первом выпуске «Вестника Европы» в 1813 году [Жуковский, 1813]. Баллада Жуковского была весьма популярной. Подобное её восприятие можно соотнести с мнением Е. В. Душечкиной, о том, что

интерес к какому-либо жанру, цикличен, следовательно, возникший интерес к рождественскому жанру обусловлен интересами публики, которая была готова к восприятию данного произведения. В то время святки уже были описаны в журнале «И то и сие» Чулковым и в журнале «Абевеги русских суеверий». Также большой популярностью пользовалась опера С. Титова на либретто А. Малиновского «Старинные святки» [Душечкина, 1995].

Сюжет баллады Жуковского можно отнести к святочному – молодая девушка гадает на святках на зеркале и вместе с этим «зовёт суженого на ужин», что было несовместимо в традиции гаданий. Суженый забирает девушку венчаться, затем она видит его мёртвого в гробу. На этом быличка о явлении суженого заканчивается и к ней подключается сюжет с мотивами святочного сна. Всё, что видела героиня, оказывается сном. Такой сон должен был предвещать беду, несчастье, однако он не сбывается, и всё заканчивается хорошо.

Произведение стало очень популярным. Мотив святок и святочных гаданий всё чаще встречается на страницах произведений. «Светлану» В. Жуковского включают в школьную программу, её заучивают наизусть и декламируют на святочных вечерах. А. Пушкин в «Евгении Онегине» упоминает «Светлану», а в V главе романа пишет о святочном гадании Татьяны.

Новый интерес к календарным сюжетам наблюдается со второй половины 1820-х годов, он в то же время обусловлен появлением русской этнографии и фольклористики. В 1820-1830-х гг. публикуются работы этнографов и фольклористов В. Б. Броневского, М. Н. Макарова, И. М. Снегирёва и многих других. Этнографический интерес совпадает с интересом календарной словесности. Появляются произведения Н. А. Полевого «Святочные рассказы» (1828) и «Разговор на святках» (1832), М. П. Погодина «Суженый» (1828) и «Васильев вечер» (1831), А. А. Марлинского «Страшное гадание» (1831), Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» (1832), Н. Ф. Павлова «Маскарад» (1835), И. И. Лажечникова «Ледяной дом» (1835), Н. И. Билевича

«Святочные вечера или Рассказы моей тетушки» (1836), В. Ф. Одоевского «Новый год» (1837), В. А. Сологуба «Большо свет» и многие другие. Наряду с прозаическими произведениями календарной святочной направленности появляются календарные стихотворения: «Новый год» Д. В. Веневитинова, «Святочная шутка» П. А. Вяземского, «Сон» А. И. Дельвига, «Святочные гадания» Ф. Н. Слепушкина и другие.

Повести М. П. Погодина хоть и не имеют сильной популярности, представляют немалый интерес в плане создания святочного жанра. Во-первых, он прибегает к жанру повести, которой именно тогда ждали читатели, во-вторых, он прибегает к календарной прозе, в частности к святочной, он их объединяет, что привлекает читателя того времени. В произведениях Погодина отмечается широкая исчерпанность жанра. Также он сам по себе был человеком чувствительным, и имел особое чутьё к праздникам. Отсюда и его широкий интерес к календарной прозе и описание различных моментов, обрядов, характерных святочному времени.

Следующим этапом в становлении святочного жанра первой трети XIX века можно выделить «мистическую» прозу, с которой связаны имена Н. А. Полевого, Н. И. Билевича, Н. В. Гоголя. В каждом рассказе Полевого своему трактуется столь актуальная для того времени тема сверхъестественного. Н. Полевой говорил: «Мне хочется соединить <...> несколько страшных святочных рассказов и повестей русских» [Полевой, 1832]. Характерное отличие повестей Полевого – то, что герои, говоря о чём-либо непонятном, странном, сверхъестественном, сразу же пытаются после дать «реалистическую» трактовку происходящему. Героев в «Разговоре на святках» отличает то, что собеседники, будучи людьми более просвещёнными, старательно пытаются дать реалистическую трактовку происходящему и разгадать таинственное, в отличие от простодушных слушателей «быличек».

Н. И. Билевич продолжает тему сверхъестественного в своих произведениях, однако он прибегает к рассуждениям «интеллектуалов» в своих произведениях, ему более свойственны фольклорные сюжеты,

бытовавшие в южнорусской и украинской народной традициях. Н. В. Гоголь прибегает к той малороссийской фольклорной традиции. Этнографические приметы рождественского сочельника встречаются в «Ночи перед Рождеством» на протяжении всего текста, что создаёт особый колорит и атмосферу. Также рамки обыденного и чудесного в произведении Гоголя размыты. В ночь перед Рождеством по народному поверию происходит большая суета, отчего повышается концентрация нечистой силы. Все ирреальные моменты и время размывается. Сверхъестественное становится посреди реального мира. Темнота – первая причина хаоса, Н. В. Гоголь подчёркивает её в своём произведении. Метель, вьюга представляют собой некий хаос, путаницу, они тоже особо подчёркиваются у Н. В. Гоголя. Также профессия главного героя в «Ночи перед Рождеством» носит мистический характер, что объясняет выбор главного персонажа. Аналогичные святочные истории обычно рассказывались в предпраздничные и праздничные зимние вечера, о чём свидетельствует речь рассказчика Н. В. Гоголя Рудого Панька: «Бывало, соберутся накануне праздничного дня добрые люди в гости <...>, и тогда прошу только слушать». Что касается, календарного времени, то для автора – Н. В. Гоголя, данный момент был не важен. Поэтому впервые «Ночь перед Рождеством» вышла не в новогодний и не в святочный выпуск журнала, хоть и потом переиздавался в соответствующее праздничное время. Как отмечает Е. В. Душечкина, особую роль в восприятии календарной литературы влияет время её выхода и время написания, поскольку необходимо почувствовать атмосферу праздника и её волшебность, касательно святочного произведения [Душечкина, 1995]. Но, несмотря на несоответствие календарного времени выхода произведения, Н. С. Лесков считал повесть Гоголя классическим примером святочного рассказа. О ней он писал: «У нас не было хороших святочных рассказов с Гоголя...» [Лесков, 1956]. К концу XIX века повесть Н. В. Гоголя получила репутацию образцового святочного рассказа, обладающего высоким чувством времени, атмосферы, мирозерцания и чувство календаря, что характерно зрелому Н. В. Гоголю.

Также в связи с широким в это время распространением маскарадов в особую группу «святочных» текстов вливается «маскарадная» повесть, описывающая маскарадные сюжеты, интриги и саму маскарадную обстановку. В качестве примера «маскарадных» повестей 1830-х годов можно выделить «Испытание» А. А. Марлинского и «Маскарад» Н. Ф. Павлова и другие.

Наряду с «маскарадной» развивается жанр «фантастической» повести, огромное влияние на которую оказали сказки Э. Т. А. Гофмана. В 1830-е годы Гофман становится едва ли не самым читаемым писателем в России. В подражание произведениям Э. Т. А. Гофмана «Щелкунчик и Мышиный король» и «Повелитель блох» складываются устные истории, особенно популярные в народе. К такому типу устных историй относят приписываемый А. Пушкину рассказ «Уединённый домик на Васильевском».

В середине XIX века святочная тематика, как и святочный рассказ, имеют уже другую сторону развития. Этнографические исследования святочных традиций продолжаются на протяжении всего столетия, несмотря на то, что просвещенное общество все более критически начинает относиться к святочным историям, народным святочным гуляниям. Святочные тексты приобретают не только маскарадный характер, но и активно развивают мистическую и фантастическую тематику, все чаще акцентируя внимание на нравственной стороне изображаемой истории.

Интересно, что в «Войне и мире» Л. Н. Толстого тоже пишет о святочных традициях, описывая гадания Наташи и Сони Ростовых. При этом писатель с иронией относится к этим традициям, о чем свидетельствует маленький обман: Соня, чтобы никого не разочаровывать, сообщает, что увидела своего суженого.

Основоположителем рождественского жанра в европейской литературе по праву считается Чарльз Диккенс. Ф. М. Достоевский о Ч. Диккенсе говорил: «Никто меня так не успокаивает и не радует, как этот мировой писатель». Русский писатель видел в Диккенсе писателя безошибочного нравственного чутья.

Ч. Диккенс открыл серию своих публикаций в журналах «Семейное чтение» («Household Words») и «Круглый год» («All the Year Round»). Имя Чарльза Диккенса в Англии, в первую очередь, ассоциируется с Рождеством. Как говорил К. Дж. Филдинг, «Диккенс не может быть полностью понят без своих рождественских рассказов. Тема Рождества в русской литературе так же, как и в Англии, получила своё распространение вслед за английской в 1840-х годах» [Fielding, 1850-1859]. Тексты Чарльза Диккенса чуть ли не сразу же после их издания в Англии стали многократно переводиться на русский язык. По мнению Е. В. Душечкиной, в России до Ч. Диккенса на тему Рождества популярными были только два произведения – это «Ночь перед Рождеством» Гоголя и повесть «Ночь на Рождество Христово» К. Н. Баранова [Душечкина, 1995]. После Ч. Диккенса тема Рождества в России приобретает большую популярность. Однако рождественские повести Ч. Диккенса писались не только как календарные произведения. Автор использовал возможность в рамках рождественской повести говорить не только о празднике, о чудесах, но и обозначить перед обществом многие проблемы, обусловленные социальным неравенством в Англии.

В своей монографии Е. В. Душечкина отмечает, что раз святочная и рождественская проза относятся прежде всего к календарной литературе, то для её лучшего восприятия читать ее необходимо в канун праздника или же в сам праздник [Душечкина, 1995]. Исследователь убеждена, что передать наиболее точно атмосферу праздника писатель сможет только тогда, когда будет писать свою повесть именно накануне или в сам праздник, подобно Ч. Диккенсу. Диккенсовские рассказы выходили к Рождеству, начиная с 1843 года.

Рождественские повести Ч. Диккенса получили широкую популярность и в России. Как отмечалось ранее, рождественская литература в России не была настолько распространена, к тому же было больше святочной литературы, нежели рождественской. В народе тогда отмечались святки, а Церковь праздновала Рождество, которое в миру не отмечали. До

определённого времени, точнее до середины XIX века, святки в России не носили в себе никакого религиозного смысла, в то время как в Англии данное единение праздников произошло значительно раньше. Именно в Европе Рождество несло в себе первоначальные евангельские смыслы, которые получили своё распространение в России позже, в том числе благодаря Ч. Диккенсу.

Тема Рождества начала вносить в уже достаточно освоенный святочный жанр темы любви, семьи, милосердия, всепрощения, жертвы. Ч. Диккенс о Рождестве писал: «Это радостные дни – дни милосердия, доброты, всепрощения. Это единственные дни во всём календаре, когда люди, словно по молчаливому согласию, свободно раскрывают друг другу сердца и видят в своих ближних – даже в неимущих и обездоленных – таких же людей, как они сами, бредущих одной с ними дорогой к могиле, а не каких-то существ другой породы, которым подобает идти другим путём» [Диккенс, 1957]. И русские писатели откликнулись на призыв Диккенса.

Ф. М. Достоевский, глубоко ценивший творчество Ч. Диккенса, при написании «Записок из Мёртвого дома» счёл необходимым вставить главу, посвящённую празднованию Рождества Христова на каторге. При написании данной главы, Ф. М. Достоевский стремился создать атмосферу истинного, настоящего праздника, атмосфера которого присутствовала у каторжан несмотря ни на что. Они верили в истинное чудо – Рождество Христово. Их переживания праздника – это переживания Рождества в чистом виде.

Иное отношение к празднику и рождественскому чуду появляется практически в то же время у других писателей. Большое несоответствие евангельских идей праздника Рождества Христова по сравнению с обычным миром, его проблемами и трудностями встречается у М. Е. Салтыкова-Щедрина в очерке «Святочный рассказ. Из путёвых заметок чиновника», где повествование начинается с печального настроения рассказчика, которому необходимо было в день праздника вечером уехать по казенной надобности, в этом же рассказе далее – Петруня, сын хозяев, только что был отдан в солдаты.

Несоответствие праздничного единения, мира, любви, семьи, гармонии, свойственных празднику, и житейских надобностей и забот встречается в тексте. Подобный мотив разлуки в дни светлого праздника Рождества Христова встречается и у Л. А. Полонского в рассказе «Любушка». В данных произведениях утопический сюжет рождественского чуда замещается суровой и жестокой реальностью, разрушая веру в чудо на Рождество.

В середине века широкое распространение получают детские периодические издания, большая часть из которых публикуется в соответствии с календарём, а меньшая часть – вне зависимости от него. Детские периодические издания публикуют святочные рассказы, написанные в XIX веке, соответственно, святочные рассказы того времени пишутся исключительно для детей, для их воспитания и формирования должного мировоззрения. Также в то же время становятся актуальными различные поздравления друг другу в связи с праздниками, поэтому в детских журналах в то же время печатается поздравительная литература, которую дети затем выучивали и рассказывали в качестве подарка. К числу детских журналов можно отнести «Звёздочку» А. О. Ишимовой, «Современник», «Детское чтение для сердца и разума» и другие.

Таким образом, предпосылок для появления святочных рассказов было много. Но отдельной темой в календарной литературе, объединяющей рождественские и святочные истории, была «Ёлочная» литература, о которой необходимо сказать отдельно.

1.3. «Ёлочная» литература и святочный рассказ

В настоящее время ёлка настолько близка русской культуре, что зачастую не возникает и мысли о том, что она пришла к нам из заграницы. Отрывок из стихотворения 1906 года Р. А. Кудашевой «Ёлка» («В лесу родилась ёлочка...») воспринимается практически как народная песня.

Однако, вхождение ёлки в русскую культуру было довольно сложным и продолжительным, и далеко не сразу русский народ принял её как «родную».

Особенностью литературы и жизни середины XIX века является появление ёлок, как праздничного атрибута, несущего евангельские смыслы в праздник Рождества. В 1840-х годах в зимних текстах начинают появляться сюжеты о ёлке, которая именно в это время окончательно входит в рождественскую культуру русского быта. Первое упоминание о ёлках, точнее о всех хвойных деревьях и даже просто о веточках от них, появляется в Петровскую эпоху. Первоначально ёлки пришли в Москву, а затем уже перебрались в Петербург. Приход елей, в свою очередь, связан с изменением календаря. Согласно царскому указу от 20 декабря 1699 года, летоисчисление стало вестись не от сотворения мира, а от Рождества Христова, а Новый год стал праздноваться не 1 сентября, а 1 января. Согласно тому же постановлению, касательно празднования Нового года было сказано следующее: «украсить дома от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевельных» [Устрялов, 1858]. Первое время ёлка была связана с празднованием не Рождества, а Нового года, и не имела под собой никаких евангельских смыслов. Указ Петра является чуть ли ни единственным упоминанием о ёлке в XVIII веке. Следующий её этап развития относится уже к следующему столетию, когда Петербург становится сильно «немецким», а приезжие немцы продолжают отмечать Рождество со своими традициями и с рождественской елью.

Немецкое нововведение с одной стороны принимается и становится модным, а с другой – это очередной западный обычай, который противоречит исконно русским традициям. Любопытно, что в 1830-х годах ёлка воспринималась как немецкое нововведение, а на рубеже 1840-х годов случился настоящий «ёлочный бум». Вероятно, мода на всё немецкое продолжала распространяться из более состоятельных к менее состоятельным домам, а также подкреплялась модой на немецкую литературу, в том числе на Гофмана с его «ёлочными» произведениями. В это время журнал «Северная

пчела» начал печатать объявления о продаже ёлок, игрушек на них и подарков для детей. В другом журнале – «Звёздочка», появляются первые тексты с «ёлочным» сюжетом. А этнографы при описании святок начали упоминать о новой «ёлочной» традиции. Также в это время стали появляться детские ёлки в некоторых состоятельных домах, которые принимали в некотором роде сопернический характер.

Со временем ёлка распространяется и в усадьбу, однако для этого потребовался гораздо больший промежуток времени. Литература о ёлках становится тоже всё более широкой. Именно литература о ёлке способствовала популяризации ёлки в России. Как отмечает Е. В. Душечкина, ёлочная литература относится непосредственно к календарной, следовательно, упоминание о ёлках становится актуальным только в определённый промежуток времени, то есть ёлка становится определённым символом зимних праздников. Саму «ёлочную» литературу можно условно поделить на группы. Е. В. Душечкина выделяет три группы в «ёлочной» литературе.

В первой группе «ёлочной» литературы идёт некая отсылка к сказке Г. Х. Андерсена «Ёлка» (1844), где ёлка в повествовании выступает в образе главной героини. К русскому примеру данной группы произведений можно отнести рассказ Н. А. Лейкина «Записки рождественской ёлки» (1901).

Ко второй группе «ёлочной» литературы относятся произведения рождественской или новогодней направленности, на фоне которых выступает ёлка, несущая под собой идеи мира, добра, милосердия и всепрощения и придающая этим произведениям особый философский смысл. Одним из первых таких произведений был рассказ-фельетон Ф. М. Достоевского «Ёлка и свадьба» 1848 года.

В русской литературе, где зачастую любят подчёркивать контраст между идеалом и суровым миром, не могут пройти и мимо «ёлочных» произведений с подобной тематикой. Таковы, например, рассказы Я. П. Полонского «Дорогая ёлка» (1889) и Н. Н. Каразина «Кровавая ёлка».

Третья группа «ёлочных» произведений восходит к европейской традиции. Эти произведения углубляют нравственную проблематику, подчеркивают трагичность жизни, когда рушатся ценности, когда дети на празднике подражают взрослым, сознательно грешат (пьют спиртное, курят). Третью группу «ёлочной» литературы составляют сказка Андерсена «Девочка с серыми спичками» (1845) и стихотворение Ф. Рюккерта «Ёлка сироты» (1816), где описывается сожаление автора об испорченности маленького ребёнка, который из-за суровых обстоятельств жизни не имеет уже своей простой детской непосредственности, а уже пьёт вино и трезво оценивает обстановку. Наиболее традиционна разработка данного сюжета в рассказе Ф. М. Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке» (1876). В более сентиментальном варианте данная тема развивается в рассказе «Из жизни петербургских детей» Н. И. Мердер. Тот же «ёлочный» мотив развивается и в рассказах К. М. Станюковича, в том числе в рассказе «Рождественская ночь» (1892).

Помимо вышеперечисленных групп стоит также выделить журнальную «ёлочную» литературу XIX века, которая также способствовала популяризации ёлок. Её тоже можно поделить на два разряда. Конечно, это рекламные объявления. И поздравления в стихотворной форме к Рождеству и Новому году, которые стали не только модными, но и обязательными в то время. Данные поздравления светлые, искренние и радостные, их в основном учили наизусть дети и рассказывали на праздниках, а также на только вводимых праздничных ёлках.

К середине XIX века ёлка наконец получает своё окончательное признание, до этого она никогда не была столь популярна в России. Притом ёлка настолько «вписывается» в русскую культуру, что к началу XX столетия люди уже удивляются, когда узнают, что ёлка пришла к нам из Европы, и она не исконно русская.

Однако, к концу XIX века появляются так называемые противники ёлок. Идеи разные, но цель одна – побороться с ёлками. Кто-то встаёт с

экологической точки зрения и заявляет, что надо бороться за сохранение природы и национального достояния, то есть лесов. Другие же, смотря с экономической точки зрения, заявляют, что нельзя столько древесины тратить зря.

Также распространение этого иноземного и к тому же языческого обычая вызвало негативную реакцию со стороны церкви. Священный Синод неоднократно издавал указы, запрещающие проведение подобных мероприятий и установление ёлок.

Но ёлка всё равно закрепились в русской культуре и теперь является праздничным атрибутом, несущим евангельские смыслы в праздник Рождества.

Таким образом, «ёлочная» литература XIX века способствовала не только созданию произведений о праздниках, но и формированию целого направления в литературе, в котором рождественская ель становилась поводом к размышлению писателей о нравах и традиционных ценностях современного мира. В этом направлении святочные и рождественские рассказы станут ведущими, а их авторы войдут в историю как великие романтики своего времени, о чем свидетельствует, например, творчество Ч. Диккенса и Н. С. Лескова [Овчинникова, 2024, 281-282].

1.4. Особенности социальных и эстетических взглядов Н. С. Лескова

Биография и творчество Н. С. Лескова тесно связаны. Многие факторы жизни будущего писателя свидетельствуют о том, что литературное творчество стало закономерным в судьбе этого человека, а духовное начало было неотъемлемой частью жизни всей его семьи. Известно, что будущий писатель родился в 1831 году в селе Горохово Орловского уезда, его родственники по линии отца были священниками, что не могло не сказаться на характере общения и круге интересов мальчика с юных лет. В будущем

опыт общения и знание особых, духовных текстов, найдет отражение на страницах его святочных рассказов, в первую очередь.

До восьми лет Н. С. Лесков жил в Горохово с родственниками, где общался с представителями разных сословий, знал жизнь обычных людей, наблюдал за их нравами и привычками. Позже свои наблюдения он использует при создании своих лучших произведений, в том числе «Леди Макбет Мценского уезда», а после того, как в 1848 году Н. С. Лесков стал помощником столоначальника, он получил опыт работы с документами. Год спустя он переехал в Киев к своему родственнику, где увлёкся иконописью, но в 1857 оставил службу и увлёкся модным тогда явлением: «... я бросил довольно удачно начатую казенную службу и пошёл служить в одну из вновь образованных в то время компаний» [Лесков, 1945]. За время работы он много попутешествовал, увлекся изучением диалектов и быта жителей разных регионов страны, проехав с Запада на Восток и с Севера на Юг. Полученный опыт за годы путешествий и соприкосновение с самой жизнью русского человека дали основу для дальнейших произведений Лескова, а бесценный языковой материал он использовал на протяжении всей жизни.

Однако в литературу Н. С. Лесков пришел только в 28 лет, почти случайно. Первое произведение, фельетон для «Современной медицины», было написано по просьбе профессора Киевского университета доктора Вальтера. После первого успеха литературные критики и хорошие знакомые Н. Лескова С. Громека, С. Дудышкин и А. Краевский убедили его всерьез заняться литературной деятельностью. Оказавшись современником преобразований пореформенной России, молодой автор сосредоточил свое внимание на критике верхов общества, всеобъемлющей бюрократии, взяточничестве, одним словом, на моральном упадке своих современников.

Исследователи наследия Н. С. Лескова отмечали, что сопоставление прошлого с настоящим является одним из основных мотивов творчества писателя. Его волновали такие вопросы, как: что изменилось по сравнению с дореформенным прошлым, далеко ли ушла в развитии Россия, оставив

крепостное право. Ответ на них искал до конца своих дней, пытался через анализ прошлого понять настоящее.

Н. С. Лескову разделял взгляды демократического просветительства, верил в развитие России. Основную просветительскую задачу видел в уничтожении феодальных пережитков прошлого. Однако он не был теоретиком или политиком. В своих произведениях он рисовал практиков. Его герои не столько рассуждают, сколько совершают определённые поступки. Противостояние Н. С. Лескова «нигилизму» тоже можно встретить на страницах его произведений.

Н. С. Лесков был горячим приверженцем «европеизации». Именно в ней он видел развитие России и её хозяйств. Лесков, хоть и замечал внедрение буржуазных отношений в провинцию, расслоение крестьянства, основную просветительскую задачу видел в уничтожении феодальных пережитков прошлого. В более зрелом возрасте Н. Лескову был свойственен христианский утопизм. Однако в 1860-е он разделяет разночинные идеи, активно интересуется жизнью низов, о чем свидетельствуют его очерки.

По широте и глубине поднимаемых проблем, осмыслению их и по вкладу художественных средств в русскую литературу произведения Н. С. Лескова близки перу Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Его также волнуют этические аспекты действительности, как и попытка разрешить социально-политические конфликты с позиции законов нравственности.

Если в произведениях Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого судьба человека есть судьба всего мира и всего человечества, то у Н. С. Лескова судьба человека – это, в первую очередь, судьба России. Именно русский национальный характер в сопоставлении с другими национальными характерами Н. С. Лесков в своих произведениях стремится раскрыть больше, чем самую человеческую природу.

Б. Эйхенбаум, говоря о Н. С. Лескове, отмечает: «при изображении русской жизни Лесков уделяет все свое внимание национально-исторической теме, как главенствующей над всеми... Тема эта дается у Лескова не как

пейзаж и не как «нравы», а как материал для решения нравственных и национально-исторических проблем, для решения вопроса о судьбах России и ее народов» [Эйхенбаум, 1969]. Н. С. Лескова, в первую очередь, интересуют национальные особенности жизни русского человека, которые он не сравнивает с существующей социальной системой.

Для Н. С. Лескова важно сохранение прошлого, истории, которая является связующим звеном среди поколений и которая записывает необходимые жизненные уроки, к которым будущим поколениям стоит прислушаться. Писатель неоднократно выражал сожаление касательно того, что связь поколений становится будто бы рассыпана из-за нововведённых обновлений, что подчёркивают слова героя из «Запечатленного ангела».

Н. С. Лесков с большим интересом относился к творчеству своих знаменитых современников, особенно к Ф. М. Достоевскому. В журнале братьев Достоевских «Эпоха» Н. С. Лесков печатает «Леди Макбет Мценского уезда» (1865), одно из своих самых зрелых произведений раннего периода, а также договаривается о издательстве целой серии повестей из народного, купеческого и дворянского быта, которые, к сожалению, не были опубликованы из-за закрытия журнала.

В романе «Обойдённые» (1865) и повести «Островитяне» (1866) Н. С. Лесков пытается освоить романтические и мелодраматические элементы стиля, которые свойственны романам Ф. М. Достоевского до «Преступления и наказания» (1866). Однако результаты попыток исканий оказываются не совсем близкими Н. С. Лескову, у которого к этому времени складывается своя манера, но литературные пути писателя и Ф. М. Достоевского периодически всё-таки будут пересекаться, о чем свидетельствуют следующие параллели: Н. С. Лесков «На ножах» (1870-1871 гг.) и Ф. М. Достоевский «Бесы» (1871-1872 гг.), Н. С. Лесков «Детские годы» (1874 г.) и Ф. М. Достоевский «Униженные и оскорблённые» (1861 г.) и «Подросток» (1875 г.). Анализу этих параллелей посвятила статью И. Видуэцкая.

Исследователь также отмечает близость Н. Лескова и к М. Салтыкову-Щедрину в оценке крепостного права и его последствий. В качестве доказательства она приводит мнение Щедрина, отмечает, что «Произведения Лескова, созданные на материале русской жизни конца XVIII – начала XIX века, относятся к той части отечественной литературы, о которой Щедрин писал: «С некоторого времени мы открываем собственную Америку. Эта Америка – наше прошлое, и притом очень недавнее. Есть люди, которые даже утверждают, что это совсем и не прошлое, а просто-напросто настоящее, ради чувства деликатности рассказывающее о себе в прошедшем времени» [Видуэцкая, 1981].

Признано, что Н. Лесков был близок и к так называемому «общественному роману» И. Тургенева, И. Гончарова, но ближе он все же к Ф. Достоевскому. Интересно, что его «На ножах» на страницах журнала «Русский вестник» (1871) параллельно публиковались и части романа Ф. Достоевского «Бесы». И после знакомства с произведением Н. Лескова Ф. Достоевский в письме А. Майкову говорит о гениально созданных художественных типах

Внимание Н. С. Лескова к Л. Н. Толстому также не прошло мимо. Ещё в 1869 году выходит статья Н. С. Лескова о «Войне и мире», где он отмечает два очень важных момента: зависимость важных исторических лиц от духа народа и возможность через книгу узреть будущее. Наиболее сильное творческое и идейное влияние Л. Н. Толстова на Н. С. Лескова начинается с середины 80-х годов. Н. С. Лесков выступает соперником и сторонником художественных морально-философских идей христианского утопизма Л. Н. Толстого, которым Ф. М. Достоевский тоже был увлечён.

Отражением философско-эстетических исканий писателей в 1880-х стали произведения, написанные в жанрах легенды, притчи, сказа, сказки. В середине 1880-х Н. Лесков обращается к этим жанрам, пишет патериковые новеллы, сказки, легенды, например, «Мимоносная двуполитика», «Маланья – голова баранья», «Час воли Божией» с сильным дидактическим и духовным

элементом. Он вступает в полемику с Л. Н. Толстым, поднимая тему «воспитания души» народа. Простоте «народных рассказов» Л. Н. Толстого противопоставляя простоте Н. Лесков их нравственно-ограниченными сюжеты проложных сказаний, яркие краски при описании героев, мир раннего христианства и обилие не только внешней красоты героев, но и глубокой нравственной красоты души.

Идейные споры с Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым Н. С. Лесков продолжил и в 1890-м году в своём незаконченном рассказе «По поводу «Крейцеровой сонаты». Идеи Н. С. Лескова противопоставлялись убеждениям Ф. М. Достоевского о необходимости страданий для нравственного возрождения человека и убеждениям Л. Н. Толстого о моральном аскетизме. Н. С. Лесков отстаивал более терпимый взгляд на заблуждения и ошибки людей.

Практицизм был близок писателю Н. С. Лескову, который в искусстве, в частности в литературе, видел практическую составляющую «воспитания души». Несмотря на широко распространённую в то время практику антитезы мыслей и идей главного героя с его поступками, герои Н. С. Лескова, в отличие от персонажей Ф. М. Достоевского, выступали в роли практиков. Они не предлагали свои размышления, за них говорили их поступки.

Важное место в эстетических и духовных исканиях Н. С. Лескова занимал английский писатель Ч. Диккенс, чьи рождественские истории он читал. Н. С. Лесков считал их образцом рождественского жанра.

В «Жемчужном ожерелье» (1885) он даёт произведениям Ч. Диккенса, прежде всего, рождественским историям, довольно высокую оценку: «...и привёл в пример Диккенса, который писал в стране, где очень быстро ездят, однако же видел и наблюдал много и фабулы его рассказов не страдают скудостью содержания». [Лесков, 1989, 3-4]. В отдельных святочных произведениях Н. С. Лескова, как например, в повестях «Зверь», «Скрытая теплота», «Жемчужное ожерелье», «Пугало», заметна связь с диккенсовской традицией христианской любви, милосердия, братства и всепрощения.

Н. С. Лесков стал первым, кто обосновал святочный жанр. Формулировка тех требований, которым должен соответствовать святочный жанр, впервые была изложена во вступительной части «Жемчужного ожерелья»: «От святочного рассказа непременно требуется, чтобы он был приурочен к событиям святочного вечера – от Рождества до Крещения, чтобы он был сколько-нибудь фантастичен, имел какую-нибудь мораль, хоть вроде опровержения вредного предрассудка, и наконец – чтобы он оканчивался непременно весело. <...> он должен быть истинное происшествие!» [Лесков, 1989, 4].

А в письме от 11 декабря 1888 года Н. С. Лесков писал Суворину: «Форма рождественского рассказа сильно поизносилась. Она была возведена в перл в Англии Диккенсом. У нас не было хороших рождественских рассказов с Гоголя до «Запечатленного ангела». С «Запечатленного ангела» они опять пошли в моду» [Лесков, 119].

Н. С. Лесков, когда пишет о рождественских рассказах Ч. Диккенса, постепенно приходит к осмыслению самой формы святочного рассказа, отмечая его недостатки: «И они, конечно, прекрасны, но в них есть однообразие; однако в этом винить автора нельзя, потому что это такой род литературы, в котором писатель чувствует себя невольником слишком тесной и правильно ограниченной формы» [Лесков, 1989, 4]. Он объясняет причину такого однообразия: «В жизни таких событий бывает немного, и потому автор неволит себя выдумывать и сочинять фабулу, подходящую к программе. А через это в святочных рассказах и замечается большая деланность и однообразие» [Лесков, 1989, 4].

Н. С. Лесков приходит к заключению, что «...святочный рассказ, находясь во всех его рамках, всё-таки может видоизменяться и представлять любопытное разнообразие, отражая в себе и своё время и нравы» [Лесков, 1989, 4]. Доказательством возможности жанровых изменений как раз и стало «Жемчужное ожерелье».

Он выделяет основные черты нового жанра, прописывает его канон (части, которые не могут видоизменяться у святочного рассказа): рассказ должен содержать элемент фантастики, его сюжет основан на событиях святочной недели но при этом быть истинным происшествием, он должен искоренять какой-либо предрассудок и хорошо заканчиваться.: «...то есть было бы и слегка фантастично, и искореняло бы какой-нибудь предрассудок, и имело бы не грустное, а весёлое окончание», «Но только помните, что он должен быть истинное происшествие!» [Лесков, 1989, 4].

Н. С. Лесков не сразу заговорил о календарном времени действия в произведении, не сразу фиксировал внимание на святочных днях, поэтому ряд его повестей, рассказов, например, «Отборное зерно», «Жидовская кувырколлегия», «Дух госпожи Жанлис», «Старый гений», «Обман», «Маленькая ошибка», изначально издавались не как святочные, но позже автор указал время действия, что позволило публиковать их как святочные рассказы. Произведения Н. Лескова постепенно стали частью так называемой календарной прозы, которые, по мнению исследователя Е. В. Душечкиной, спровоцированы временем, обладают определённой содержательной наполненностью и сюжетно связанные с ним [Душечкина, 1995].

Выводы по первой главе

Анализ источников показал, что святочный рассказ имеет довольно глубокую историю, непременно связанную с праздником Рождества Христова. Однако, до христианства на Руси существовали иные языческие обычаи, на которые впоследствии были наложены христианские праздники. Языческий колорит прошлых праздников и традиций убрать из сознания народа оказывается не так просто. Всякого рода мистицизм, гадания, ряжения, обряды переходят уже на святочные дни в простом народе.

Церковь вносит запреты на всякого рода святочные гуляния, тем самым пытаясь объяснить присутствие «нечистой силы» в подобных мистических обычаях. Тому примером служат грамота царя Алексея Михайловича о коляде 1648 года [Москвитянин, 1843] или же указ патриарха Иоакима 1684 года. Однако, прислушаться к подобного рода запретам людям, особенно молодёжи, оказывается не так просто.

В рождественские дни в народе очень любили ходить друг к другу в гости и рассказывать различные истории, так называемые «былички», которые случались в это же время год, два назад или ещё раньше. Существует версия, что именно эти «былички», рассказываемые из уст в уста, и послужили фундаментом для будущего святочного жанра. В данных быличках рассказывалось всё, и упомянутый мистицизм, и реальные истории.

Из-за изменений касательно празднования Нового года, введённых Петром I, на святки накладывается ещё один праздник – Новый год. Следовательно, накладываются новые традиции и обычаи.

В связи с относительно большой урбанизацией святочные гуляния начинают утрачивать свой былой интерес из-за сложностей бытования в городской среде.

В XVIII веке начинает складываться двоякий взгляд на святочные традиции – с одной стороны это история и прошлое, а с другой – это не модно. Но времена меняются, и мода постепенно возвращается. В середине XIX века

возобновляется традиция новогодней ёлки и вновь появляется интерес к святкам. Святочная литература становится вновь интересной. События святочных текстов уже не столько связаны с мистикой, сколько с ёлками и ёлочными сюжетами и поздравлениями. Большую распространённость получают печатные издания, большинство из которых носят календарный характер. Следовательно, святочные и поздравительные тексты постепенно начинают ассоциироваться у людей с Рождеством и святками.

Утраченные традиции становятся вновь интересны. Появляются этнографические и фольклорные исследователи, интересующиеся природой и обычаями святочных гуляний.

На основе фольклорных и этнографических исследований появляются святочные тексты, интересующие читателя. Мистицизм, бытовавший в Малороссии, передаётся в текстах Н. В. Гоголя.

Ч. Диккенс же привносит другую традицию, более связанную с христианскими истоками праздника Рождества, с его семейной направленностью, милосердием, миром и всепрощением. Рождественские повести Ч. Диккенса оказываются по душе читателю.

Русские литераторы вслед за английским мастером своего дела не могут пройти мимо святочной темы – это и «Мальчик у Христа на ёлке» (1876) Ф. М. Достоевского, а затем и «Святочные рассказы» (1882-1886) Н. С. Лескова.

Святочные рассказы Н. С. Лескова оказываются уместны читателю. Данные рассказы появляются именно тогда, когда читатель испытывает «голодание», он помнит свои детские поздравительные рассказы у ёлки, а во взрослом возрасте ему становится уже нечего почитать, чтобы ощутить этот праздничный колорит, который когда-то был в детстве.

Святочные рассказы Н. С. Лескова, как и любые другие рассказы данного жанра, несут в себе всю историю и культуру праздника, бытовавшую на определённой территории до настоящего момента. В них можно проследить и исконно русские сюжеты развития святочного рассказа и увидеть следы диккенсовской традиции христианского милосердия и всепрощения.

Н. С. Лесков выступает не только как искусный мастер святочного жанра, но и как первый из теоретиков, притом он берёт в рассмотрение не только русскую традицию написания, но и западные особенности его развития. А поскольку появляется уже теория жанра, следовательно, жанр завершает своё формирование и становление как раз во времена Н. С. Лескова.

Глава II. Художественное своеобразие святочных рассказов Н. Лескова

2.1 Мотив чудесного в ранних святочных рассказах Н. С. Лескова

Готическая литература – это своего рода противопоставление рационализму и регламентированности классической литературы. А поскольку противовес рационализму, следовательно, это и обращение к мистическому, то есть чудесному. Чудесное же, в свою очередь, согласно «Толковому словарю» Кузнецовой, является чудом, сверхъестественным, волшебным; проникнутым фантастикой, полным чудес; удивительным, необычным [Толковый словарь Кузнецовой]. Следовательно, отсылка в произведениях к готической манере уже настраивает на чудесный, мистический лад, противопоставленный реальному и обыденному. Черты готической литературы нашли отражение в святочных рассказах писателя.

Самым ранним произведением, которое не вошло в цикл святочных рассказов, является повесть «Запечатленный ангел» (1872), в котором проявились и черты готической литературы, и обозначены новые черты святочного рассказа. Однако его содержание обращено к культуре староверов, поэтому официально ранним святочным рассказом называют «Дух госпожи Жанлис» (1881).

Само название произведения уже несёт под собой готическую основу. В готической литературе одним из основных черт является то, что сюжет строится вокруг тайны. В данном произведении уже само название настраивает читателя на нечто мистическое. Подзаголовок к рассказу – «Спиритический случай», опять же отсылка к духам и мистике. В качестве эпиграфа к данному произведению у Н. С. Лескова выбраны слова А. Б. Калмета «Духа иногда гораздо легче вызвать, чем от него избавиться» [Лесков, 1989, 149]. Таким образом, и название произведения, и подзаголовок, и эпиграф уже настраивают читателя на мистический, иррациональный, чудесный лад, свойственный готической литературе.

В произведении помимо вызывания духов: «...я призываю дух Genlis, и он будет отвечать вам» [Лесков, 1989, 155], неоднократно встречаются отсылки к потусторонней жизни, где княгиня говорит, что волюмы лягут с ней в могилу и что они ей пригодятся даже после смерти. Связь с потусторонним миром составляет чудесную сторону повествования.

В другом святочном рассказе «Привидение в Инженерном замке» (1882) само тоже название настраивает читателя на мистику. Сюжет строится вокруг тайны, атмосфера ужаса сопровождает все повествование. В первой главе дана предыстория, которая настраивает читателя на ужас, потому что речь идет о привидениях и духах. «Таинственные явления, приписываемые духам и привидениям, замечали здесь почти с самого основания замка. Ещё при жизни императора Павла тут, говорят, слышали голос Петра Великого, и, наконец, даже сам император Павел видел тень своего прадеда» [Лесков, 1989, 44]. Однако, по мере развития сюжета появляются ещё привидения: «Проще сказать, кадеты говорили, будто несчастный шалун «умер под розгами», и так как в тогдашнее время подобные вещи не представлялись невероятными, то и этому слуху поверили, а с этих пор сам этот кадет стал новым привидением» [Лесков, 1989, 46]. Все события вызывают ужас.

Если говорить об ужасе, то, согласно малому академическому словарю, – это чувство, состояние очень сильного испуга, страха [Малый академический словарь]. А всякое чувство – это уже отсылка к иррациональному. Следовательно, готические черты ужаса в произведении уже несут под собой иррациональное, мистическое, чудесное.

Оба произведения, «Дух госпожи Жанлис» и «Привидение в инженерном замке», напоминают о модном увлечении спиритизмом, о чем будет в «Спиритическом случае» [Лесков, 1989, 149], «...где замечают те или иные проявления какой-то нечистой или по крайней мере непонятной силы. Спириты старались много сделать для разъяснения этого рода явлений...» [Лесков, 1989, 44].

Готический дух тайны, ужаса характерен и для рассказа «Штопальщик». В данном произведении идёт упоминание о странном пожаре, который происходит на Рождество, когда герой был в божьем храме у заутрени, и притом родители его умерли, оставив его довольно в молодых годах. Таким образом, проявляется черта готической литературы, когда сюжет строится вокруг тайны, в частности лишения наследства. Василий Коныч заселяется в новый дом, проданный подешевле, поскольку в нём умер дьякон, подавившись косточкой.

Создавая чудесное, автор прибегает не только к готическим мотивам, он также опирается на особенности святочного рассказа, к тем сюжетам, которые становятся образующими в мистических святочных традициях прошлых веков. То, что ранее упоминалось под готическими истоками, может рассматриваться и в плане исконно святочного жанра, где обращение к потустороннему миру, к мертвецам было своеобразным ритуалом. Также раньше на Руси в святочные дни очень любили заниматься гаданиями на суженых, свадебная тема была одной из основополагающих. Поскольку раньше все эти темы в святочные дни становились ведущими, и они были связаны с различными мистическими действиями, то свадебный мотив в святочном рассказе приобретает слегка мистическую коннотацию. Следовательно, Н. С. Лесков в своём святочном рассказе «Штопальщик» не случайно прибегает сразу к двум свадьбам на фоне повествования: свадьба главного героя и в заштопанном Лапутиным фраке граф Лапутин сделал своей жене предложение.

Но «Штопальщик» представляет и иную чудесную сторону происходящего: все события происходят так, будто это и есть настоящее чудо, поскольку главному герою при стольких неудачах действительно повезло: бизнес пошёл в рост, женился, бесплатно получил новый дом. Череду обстоятельств кажется действительно чудесной. Однако в то же время проявляются диккенсовские мотивы свершения чуда под Рождество, ведь

начинается всё с пожара, который случился, когда Василий Конныч был на заутрене. То есть сам праздник Рождества в данном рассказе по Н. С. Лескову не может приносить ничего плохого, что не происходит, то свершается к лучшему и это и есть чудо.

Зловещее, мрачное место действия в рассказе «Привидение в Инженерном замке». В инженерном замке, по слухам, живут привидения которые предсказывают будущее. В первом абзаце первой главы автор рассуждает о таких домах так: «У домов, как у людей, есть своя репутация. Есть дома, где, по общему мнению, *нечисто*, то есть, где замечают те или другие проявления какой-то нечистой или по крайней мере непонятной силы» [Лесков, 1989, 44].

Стоит отметить, что чудесное проявляется не только в мистическом, страшном и странном месте действия, но и в том, что дома становятся одушевлёнными, поскольку они начинают тоже иметь свою репутацию. Персонафикация несёт под собой чудесный, таинственный характер.

Во-вторых, касательно места стоит отметить запретную, безжизненную комнату в Инженерном замке, о которой ходили следующие слухи: «Более всего их пугало, что в одном конце коридоров замка есть комната, служившая спальней покойному Павлу, в которой он лёг почивать здоровым, а утром его оттуда вынесли мёртвым. «Старики» уверяли, что дух императора живёт в этой комнате и каждую ночь выходит оттуда и осматривает свой любимый замок...» [Лесков, 1989, 45]. Отсылка к безжизненному, к смерти и потустороннему миру всегда представляет читателю нечто мистическое, таинственное и загадочное.

До поучительного случая в Инженерном замке у кадет ходили шутки о похоронах на именины генерала Ламновского. Шутки о смерти являются упоминанием о самой смерти и потустороннем мире. Но шутки в один из годов воплотились в реальность, и генерал действительно умер. Весь сюжет разворачивается вокруг покойного генерала, которого пока ещё не успели похоронить, и вокруг которого по очереди дежурят кадеты. Также в роли

привидения выступает вдова генерала, которая невероятно пугает кадетов своим образом.

Примечательно, что в святочном рассказе «Привидение в Инженерном замке» нет ни единого упоминания о празднике Рождестве, святках и Новом годе. События разворачиваются глубокой осенью, в ноябре, когда в Петербурге всё мрачно и жутко и мистический лад ощущается всем человеческим нутром, особенно развита чувственная сторона человека в это время. Возможно, что косвенная отсылка к святочному времени как раз и проявляется в ноябре, ведь с пятнадцатого ноября по старому стилю начинался Рождественский пост. Однако, в точности неизвестно, когда умер генерал и вероятность связи с рождественским временем остаётся сомнительной. Таким образом, чудесные отсылки к календарной прозе здесь не проявляются никаким образом. Однако, мистицизм и чудо всё равно присутствуют на протяжении всего произведения. Следовательно, можно сделать вывод, что данное чудесное представление воплощается только при помощи готических веяний в данном произведении.

Одной из основных черт готической литературы было и то, что центральным персонажем в ранних готических романах была приятная и добродетельная девушка, обладающая не столь разумом, сколько чувствительной стороной. Примером такой девушки может послужить образ молодой княжны в святочном рассказе Лескова «Дух госпожи Жанлис» (1881), где молодая девушка, по инициативе матери читает только отобранную княгиней литературу, чтобы защитить её от неподобающей литературы «заражённой «злобою дня»» [Лесков, 1989, 152]. Княгиня утверждала, что в произведениях госпожи Жанлис не может быть ничего, что можно было бы назвать *разжигающими предметами*. Однако, по прочтении отрывка молодая княжна бросилась в истерику и убежала в другую комнату. Сверхчувствительность молодой княжны отражает её иррациональное представление происходящего, что в итоге противоречит естественному, то

есть обыденному, а раскрывается в чём-то непонятном и странном, что ближе к чудесному пониманию действительности.

2.2. Вера и безверие как основной элемент проявления чудесного в святочных рассказах Лескова

В России рождественская проза стала актуальной после переводов рождественских повестей Ч. Диккенса в 1840-е годы, после чего она получила своё развитие в творчестве русских писателей – Н. В. Гоголя, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова и др. Российская рождественская проза сохраняла главные особенности этого жанра, но она была адаптирована под русскую культуру и ментальность, религиозные различия также повлияли на её формирование.

В первую очередь, стоит отметить отношение к главным праздникам христианского мира в западных и восточных странах. Безусловно, Пасха и Рождество – одни из самых значимых церковных праздников, значение которых в некоторой мере отличается у разных христианских конфессий.

Так, западный мир более выделяет Рождество, нежели Пасху. Для них, помимо религиозной значимости праздника, очень важны внешние факторы, связанные с традициями. Ментальность западной культуры подчёркивает семейный характер данного праздника. К традициям непосредственно относятся определённые блюда, ель, украшенная самыми яркими и красивыми игрушками, весь дом превращается в некую сказку в канун Рождества, рождественские ярмарки являются обязательными, прогуливаясь по которым, люди не только покупают различные украшения к Рождеству, но и весело проводят время. Также рождественская традиция украшения дома сама наводит людей на некую сказку и веру в какое-либо чудо, все дарят друг другу подарки – всюду царит добро. Соответственно, и литературные произведения, приуроченные к празднику Рождества Христова, обязаны нести некий элемент сказочности и чуда.

В восточной христианской традиции главным христианским праздником является Пасха. Это тот день, когда смерть перестаёт быть главной над человеком, смерть теряет своё значение, ведь для человека открывается возможность вечной жизни. Православный христианский мир весь строится вокруг Пасхи. Даже церковный календарь начинается со дня Воскресения Иисуса Христа. Пасха – это также и самый продолжительный христианский праздник, его отдание только через 40 дней после дня Воскресения Христова. Рождество, безусловно, тоже значимый праздник для русского человека, он относится к двенадцатым, то есть праздникам, связанным с жизнью Иисуса Христа и Его Матери, но помимо Рождества Христова к двенадцатым праздникам относится ещё одиннадцать. Традиция ставить ёлку на Рождество и украшать её пришла в Россию из Германии и укоренилась только к середине XIX века, однако традиция полностью украшать дом, как в Европе, в России не приняла своего широкого распространения. Во времена Н. С. Лескова православная церковь имела большее значение в жизни государства и обычных людей. Дед Николая Семёновича был священником русской православной церкви, будущий писатель жил и воспитывался в верующей семье. Традиции и понимание церковных праздников Н. С. Лесков прекрасно знал. В своих произведениях он пытался описать реальную русскую жизнь, обычный быт и использовал живую речь русского народа в своих текстах. Его рассказы были максимально приближены к жизни обычных людей. Традиции Рождества и его меньшая значимость по отношению к Пасхе можно встретить из сравнения с диккенсовскими текстами. Влияние религиозного сознания самого Н.С. Лескова раскрывает традицию святочного рассказа, где преобразование через элементы чудесного и мистического раскрывает религиозную суть праздника. В произведениях Н. С. Лескова раскрывается дух русского человека.

Таким образом, для русской культуры празднования Рождества Христова в первую очередь важны не столько внешние традиции, связанные с некой сказочностью и волшебностью, сколько сама суть религиозного

праздника. В западной традиции внешние формы празднования Рождества настолько велики, что зачастую они перекрывают саму суть праздника, и в их понимании Рождество становится таким важным не столько по своей религиозной специфике, сколько по своему духу и представлению всех о добре и мире, вместе со всеми внешними традициями, вид и форма которых заставляют верить в сказку и происхождение некоего чуда. Отсюда и специфика разности литератур, созданных в различных культурах и различных христианских конфессиях.

Что касается святочных рассказов Н. С. Лескова, то ему в первую очередь было важно не внешнее чудо, а именно внутреннее, одним из основных критериев святочного рассказа по мнению Н. С. Лескова было наличие морали в произведении, особенно для него было важно преобразование души человека, что в свою очередь для автора приравнивалось к чуду.

Примером подобного рода преобразования души служит случай из святочного рассказа «Привидение в Инженерном замке» (1882), где после страшного, ужасного происшествия кадеты перестали шутить подобным образом. В качестве побуждения ребят обратиться к совести служат слова священника, где он серым человеком называет совесть, которая ходит и которую он советует «не тревожить дрянной радостью о чужой смерти», потому что как говорит тот же священник: «Всякого человека кто-нибудь любит, кто-нибудь жалеет, – смотрите, чтобы серый человек им не скинулся, да не дал бы вам тяжёлого урока!» [Лесков, 1989, 49]. Так и происходит, кадеты за серого человека принимают умирающую вдову генерала, которая его очень любит и несмотря на то, что уже долгое время не вставала с постели, поднимается и идёт к покойному мужу. Таким образом, становится важным именно то, что сказал эту речь именно священник, вразумляя кадетов, то есть, по мнению Н. С. Лескова, вера способна изменить человека, то есть вера творит чудеса. Немаловажным оказывается и то, что вдова, несмотря на насмешку кадета над покойным мужем, всё равно прощает ребят, в знак чего

она перекрещивает К–дина. То есть всеобъемлющая христианская любовь тоже является настоящим чудом, способным переменить дрянный нрав души.

Особое место в понимании чуда занимает святочный рассказ Н. С. Лескова «Маленькая ошибка» (1883). В данном рассказе одно чудо можно рассматривать сразу с нескольких аспектов: с точки зрения чуда преобразования души и с точки зрения диккенсовских чудес. Однако, чудо преобразования души можно наблюдать сразу у нескольких персонажей. Так, изначально о зяте в семье толковали следующим образом: «И стала она приставать к живописцу, чтобы он поисповедался; а тому всё трень-трава! Ко всему легко относился... даже по постам скоромное ел... и притом, слышат они стороною, будто он и червей и устриц вкушает. А жили они все в одном доме и часто сокрушались, что есть в ихнем купеческом родстве такой человек без веры» [Лесков, 1989, 177]. Но когда дело коснулось поступков, то именно зять и разрешил всю маленькую ошибку: «И действительно, дядя бы его непременно избил, но зять-живописец страхом веры своей и этого удержал» [Лесков, 1989, 181]. А тёща живописца, которая зятя неверующим почитала, потом «догадалась, что он девушку от первого отцова гнева укрыв, и обняла его», а потом и шепчет: «Прости меня, – в тебе нежные чувства есть». Так и тётушкино понимание веры изменилось, ведь по Н. С. Лескову вера должна быть деятельной. А диккенсовское чудо проявляется в том, что с точки зрения материального мира всё разрешилось благополучно: «Так Ивана Яковлевича маленькую ошибку и прикрыли. И оставалось всё это в благополучной тайности, и к младшей сестре женихи пошли, потому что видят – девицы надёжные [Лесков, 1989, 182].

Также любопытно, что в «Маленькой ошибке» (1883) автор сразу же настраивает читателя на размышления о вере: «было говорено о вере и о неверии. Речь шла, впрочем, не в смысле высших вопросов деизма или материализма, а в смысле веры в людей, одарённых особыми силами предвидения и прорицания, а пожалуй, даже и своего рода чудотворства»

[Лесков, 1989, 175-176]. Данный вопрос будет рассматриваться на протяжении всего произведения.

Отсылкой к христианским началам служат и герои святочных рассказов Н. С. Лескова. Само понятие веры строится на чуде, на вере в то, что с первого раза может показаться немислимым, но оно всё равно происходит. Следовательно, отсылка к религиозной направленности уже в какой-то степени настраивает читателя на чудо. Например, тот же священник в «Приведении в Инженерном замке» предугадывает то, что произойдёт с ребятами, он знает, что рано или поздно жизнь всё равно преподнесёт урок кадетам. И после слов священника в произведении действительно начинаются события, после которых меняются моральные установки кадет, то есть происходит преобразование души.

Также в святочном рассказе Н. С. Лескова «Штопальщик» (1882) связующим звеном между рассказчиком и Василием Конычем выступает псаломщик и священник. Они как бы настраивают читателя на ту чудесную историю, которую в дальнейшем расскажет Василий Коныч.

В святочном рассказе Н. С. Лескова «Путешествие с нигилистом» (1882) само название наталкивает на религиозные вопросы, однако в произведении вопросы веры отчётливо не поднимаются, в какой-то степени они раскрываются через персонажей, являющихся носителями и представителями определённой веры. К примеру, еврей, провозящий чемодан, был в конце задержан. Нигилист оказался не нигилистом, а прокурором судебной палаты. А дьякон, который подумал, что прокурор – это нигилист, в конце просто ушёл на службу, но тем не менее последнее предложение оправдывает дьякона и оставляет хорошее настроение и доброе расположение духа: «Она (свечка дьякона), впрочем, была и не нужна, потому что на небе уже светало и в городе звонили к рождественской заутрене» [Лесков, 1989, 175].

В другом святочном рассказе Лескова «Жидовская кувырколлегия» (1882) показано, что только носитель православной веры смог перехитрить евреев, поляк, как представитель католической веры, не смог с ними

справиться, немец, как носитель лютеранской веры, тоже их не смог одолеть, только украинец, православный христианин, смог перехитрить жидов. То есть разрешение проблемы упертости жидов происходит именно через православного христианина. Опять же моральное, нравственное преобразование, которое для Лескова является главным чудом в своих произведениях, происходит именно через носителя православной веры. Также первым, кто упомянул о том, что Мордвинов настоял на призыве евреев к военной службе, был один из иереев. То есть опять-таки первым, кто упоминает историю о дальнейшем чуде, является православный священнослужитель.

Все чудеса, которые происходят в рассказах Н. С. Лескова, могут восприниматься как чудо, а с религиозно-философской точки зрения Н. С. Лескова, они для настоящего христианина являются реальностью, поскольку чудо для веры является абсолютно нормальным и естественным.

Если говорить о тех критериях святочного рассказа, который предлагает Н. С. Лесков в «Жемчужном ожерелье», в частности о том, что святочный рассказ «должен быть истинное происшествие» [Лесков, 1989, 4], то как раз этот мотив чуда и сверхъестественного в какой-то степени отражается в вышеприведённом примере. В то же время особую роль играет то, что во многих рассказах повествование ведётся от первого лица («Жемчужное ожерелье», «Штопальщик», «Жидовская кувырколлегия», «Дух госпожи Жанлис», Путешествие с нигилистом», «Старый гений», «Маленькая ошибка»), что также создаёт эффект реально происходящего. Притом примечательно, что в «Духе госпожи Жанлис» повествование идёт даже не от рассказчика, а от самого Лескова, о чём нам говорят следующие строки: «ей почему-то нравился мой рассказ «Запечатленный ангел», незадолго перед тем напечатанный в «Русском вестнике»» [Лесков, 1989, 152], то есть автор не разделяет себя от рассказчика, приводит в пример свой собственный рассказ и говорит о реальных событиях, которые с ним происходили, что несомненно создаёт эффект реального, действительного. Другой элемент, создающий

образ действительности в рассказах Н. С. Лескова – это особые слова, указывающие на конкретное место и настоящее время – «нынче», «тут» и другие. Также стоит отметить, что повествование чаще ведётся в настоящем времени, а если переходит на прошедшее, то только в том случае, если кто-либо из героев в момент разговора начинает рассказывать о том, что уже происходило. Иным способом говорящим о действительности является использование в тексте реальных личностей, как например Лесков косвенно говорил о себе в «Духе госпожи Жанлис» или же в рассказе «Привидение в Инженерном замке» Н. С. Лесков упоминает генерала Ламновского, а инженер-генерал-майор Пётр Карлович Ламновский в действительности был начальником Главного инженерного училища с 1844 года [Лесков, 1989, 442].

Таким образом, создание «истинного происшествия» в святочных рассказах Н. С. Лескова очевидно присутствует. Но стоит отметить ещё один момент касательно чудесного и обыденного, о котором говорит сам Н. С. Лесков в предисловии к первому изданию «Святочных рассказов» и «Рассказов кстати»: «Из этих рассказов только немногие имеют элемент чудесного – в смысле сверхчувственного и таинственного. В прочих причудливое или загадочное имеет свои основания не в сверхъестественном или сверхчувственном, а истекает из свойств русского духа и тех общественных веяний, в которых для многих, – и в том числе для самого автора, написавшего эти рассказы, заключается значительная доля странного и удивительного» [Лесков, 1989, 440]. О чём и свидетельствуют вышеприведённые исследования.

Иным примером исконно святочного мотива может послужить и другой святочный рассказ Н. С. Лескова «Путешествие с нигилистом», где основной темой рассказа, в том числе и само название произведения, становится связь с путешествием. То есть с сюжетом, который изначально был присущ на Руси святочной тематике. Опять же происходит своеобразная отсылка к мистическим веяниям, существовавшим ранее. Но не только определённая

тематика определяет наполненность рассказа чудесами, но и жанр диктует свои особенности.

Здесь стоит обратиться к мыслям Е. В. Душечкиной о календарной прозе, к которой она также причисляет святочный рассказ. Как было отмечено ранее, календарная проза требует определённого времени для публикации и в повествовании. Но в то же время календарная проза несёт в себе мысли, идеи и отсылки к тому времени или празднику, к которому она приписывается. Святки, Рождество и Новый год уже несут в себе подтекст чуда и чудесного, следовательно, всякое упоминание об этих праздниках будет вносить в тексты элементы чудесного, а также отсутствие этого упоминания уменьшает этот чудесный колорит.

Безусловно отнюдь не только упоминание о празднике несёт чудесный подтекст, чудо формируется при помощи различных элементов, как жанра, так и самого сюжета. Но любопытно наблюдать, что в святочном рассказе Н. С. Лескова «Привидение в Инженерном замке» нет ни единого упоминания о празднике. Единственное, о чём мы можем говорить, и то довольно притянуто, это то, что события происходят «поздней осенью, в ноябре месяце» [Лесков, 1989, 48]. А как известно, по старому стилю Рождественский пост начинается 15 ноября, то вероятно, события, происходящие в тексте, относятся ко времени Рождественского ожидания. Но данное временное указание сказано не напрямую и нигде нет ни единого упоминания о Рождестве или Святках, то есть читатель может только догадываться, что косвенно данный рассказ имеет отношение к празднику. В то же время данный рассказ не несёт ярко выраженного представления о чуде, здесь же, как говорил сам Н. С. Лесков, чудесное истекает из свойств русского духа и общественных веяний, когда происходит изменение поведения ребят на духовном уровне, что для христианина является чудом и в то же время абсолютно реальным и допустимым происшествием в жизни.

В других ранних святочных рассказах Н. С. Лескова уже идёт упоминание о празднике Рождества, Нового года или о святках. Любопытно,

что в этих рассказах («Штопальщик», «Жидовская кувырколлегия», Дух госпожи Жанлис», «Путешествие с нигилистом») присутствие чуда и чудесного более ярко ощущается читателем, нежели в «Привидении в Инженерном замке». Однако, в то же время количество упоминаний о празднике тоже играет свою роль на ощущении читателем чудесного. Особенно ярко это ощущается в больших по объёму рассказах. Если рассказ по объёму меньше, то время праздника у читателя ещё находится в сознании, но если рассказ увеличивается в объёме, то одного лишь упоминания о празднике для создания чудесного уже недостаточно, как например происходит в «Жидовской кувырколлегии», где только в самом начале даётся упоминание: «Дело было на святках» [Лесков, 1989, 123].

Иным примером, где количество упоминаний о праздниках творит определённый чудесный замысел, является рассказ Н. С. Лескова «Штопальщик», который обязан не только количеству упоминаний о празднике, но и определённым подражаниям Ч. Диккенсу, где чудеса происходят именно в диккенсовской манере, представляя собой в первую очередь не изменение души человека, а чудеса, которые случились с героем после Рождества. Однако, в то же время все чудесные события сопровождаются праздничными днями, что также составляет чудесный колорит рассказа. Но, вероятно, в этом также и есть проявление диккенсовских веяний, где важным критерием свершения чуда является праздничное время. Следовательно, элементы чудесного через количество упоминаний о празднике является отражением не только календарной прозы, но и подражанием Н. С. Лескова Ч. Диккенсу.

То же самое мы можем наблюдать в рассказе Н. С. Лескова «Старый гений». Объём рассказа довольно небольшой и упоминание о празднике встречается дважды: «во-первых, настаёт Рождество», «на третий день праздника» [Лесков, 1989, 165, 167]. Примечательно то, что само чудо совершается именно на праздник, и чудо носит не столько нравственный характер, сколько отсылку к диккенсовским чудесам.

Таким образом, если сравнивать русскую и западную традиции повествования святочных рассказов, то становится ясным, что чудесная составляющая упирается в разность культурных и религиозных различий христианских конфессий. Для Н. С. Лескова чудо, в первую очередь, является чудом преобразования души, которое осуществляется через православную веру. Своеобразная чудесная составляющая повествования происходит через отсылку к самой вере, поскольку она основана на чуде.

Выводы по второй главе

При создании чудесного и обыденного в тексте влияют различные факторы, однако при анализе произведения необходимо учитывать авторскую позицию касательно поднимаемого вопроса, а также ряд исторических фактов, которые безусловно влияют на создание чудесного.

В первую очередь, стоит отметить тот факт, что Лесков был своего рода подражателем и любил вступать в литературные соперничества. Среди святочных рассказов Н. С. Лескова можно выделить три с явной отсылкой к пониманию диккенсовского чуда. Это «Зверь» (1883), «Пугало» (1885) и «Жемчужное ожерелье» (1885).

Однако с ярко-выраженной чудесной направленностью не так много святочных рассказов Н. С. Лескова можно выделить. К ним мы можем отнести «Штопальщик» (1882), «Жемчужное ожерелье» (1885), «Маленькая ошибка» (1883).

На наш взгляд это связано с религиозными представлениями автора, где понимание чуда рассматривается как преображение души, изменение аморальных качеств человека в пользу моральных. Следовательно, для Н. С. Лескова главнейшее чудо – нравственное преобразование.

Также свою роль в создании чудесного играет культура, в которой живёт автор и образ которой он создаёт в своём произведении. Так, при сравнении

диккенсовских рождественских повестей и святочных рассказов Н. С. Лескова мы видим ярко-выраженную разность в значении Рождества, что объясняется традициями разных христианских конфессий, к которым принадлежат авторы. В Западной традиции Рождество выходит практически на первый план среди праздников церковного календаря, в восточной традиции основным праздником является Пасха, отсюда и происходит разность в описании значимости праздника и приданию ему чудесных свойств.

Однако, чудесное – это и мистическое. Мистические особенности святочных рассказов Н. С. Лескова оправдываются готической направленностью в них. Готические образы создают своеобразный элемент мистики.

Также особую роль в понимании чудесного является сам святочный жанр, как жанр календарной прозы. Следовательно, данный жанр отражает понимание праздника в сознании культуры. Но также сам праздник создаёт определённую обстановку чудесного, поскольку Рождество – в христианском понимании действительно праздник величайшего чуда, потому что сам Бог пришёл на Землю. Так, количество упоминаний о празднике в тексте также создаёт праздничный и чудесный колорит.

В то же время согласно определению Н. С. Лескова относительно святочного рассказа, данный рассказ должен быть истинное происшествие. В пользу этого критерия Н. С. Лесков оправдывает свою позицию относительно чуда, а также прибегает к лингвистическим особенностям, описывая всё в настоящем времени. Ещё данному критерию удовлетворяет личный повествователь, который ведёт своё повествование от первого лица, при этом Н. С. Лесков даже не разделяет себя от повествователя, упоминая о «своём рассказе».

У Н. С. Лескова в святочных рассказах зачастую используются святочные сюжеты, свойственные исконно русским святочным произведениям и обычаям. Так, мотив свадьбы несёт и некий мистический подтекст. Обращение к потустороннему миру уже вызывает мистическое

настроение, а мотив путешествия был издревле присущ святочному рассказу. Однако, то же упоминание о святочном сюжете косвенно даёт отсылку к празднику и напоминает о чуде.

Как говорил сам Н. С. Лесков, «из этих рассказов только немногие имеют элемент чудесного – в смысле сверхчувственного и таинственного. В прочих причудливое или загадочное имеет свои основания не в сверхъестественном или сверхчувственном, а истекает из свойств русского духа и тех общественных веяний, в которых для многих, – и в том числе для самого автора, написавшего эти рассказы, заключается значительная доля странного и удивительного» [Лесков, 1989, 440]. Следовательно, чудесное в святочных рассказах Н. С. Лескова далеко не всегда связано с чудом физическим, главное чудо в понимании Н. С. Лескова – это чудо преображения души, которое является основным в его святочных рассказах, что отражает мировоззрение русского человека. Но это чудо в понимании христианина в то же время является реальностью, что удовлетворяет критериям Н. С. Лескова об истинном происшествии относительно святочного рассказа.

Заключение

Н. С. Лесков пробовал себя в разных жанрах, от сказок до романа-путешествия (роман «Некуда», повесть «Леди Макбет Мценского уезда», сказ «Левша»), но среди его произведений особо выделяется цикл «Святочных рассказов». В них он обосновал святочный жанр как самостоятельный жанр календарной литературы, отталкиваясь от сравнения с рождественскими рассказами Диккенса. По мнению Н. С. Лескова, святочный рассказ должен быть приурочен к событиям святочного вечера – от Рождества до Крещения, быть сколько-нибудь фантастичным, иметь какую-нибудь мораль, оканчиваться непременно весело и быть истинным происшествием. И в этом мы видим проявление ещё одной литературной традиции – готической, но в отличие от готической литературы, его тайна не является чем-то ужасным и мистика соотносится с христианским чудом, что принципиально делает святочные рассказы Лескова новым культурным явлением. Это выявил анализ поэтики обыденного и чудесного в цикле «Святочные рассказы».

При этом автор в них опирается на национальную традицию. В его рассказах слышны мотивы из фольклора и из литературы прошлых веков. К тому же эти традиции он совмещает с духовными, особый интерес к духовности обусловлен его семьёй – он родился в христианской семье, где дядя по маминой линии был священником старообрядцем. Старообрядческие мотивы мы наблюдаем в самом раннем святочном рассказе Н. С. Лескова «Запечатлённый ангел», не вошедшего в цикл его «Святочных рассказов», потому что был ориентирован на старообрядческую историю, которую он слышал от своего родственника из среды старообрядцев.

Н. С. Лескова всегда волновали нравственные и духовные поиски его современников, о чём свидетельствуют его произведения («Левша», «Леди Макбет Мценского уезда», «Гора»). Уже в «Жемчужном ожерелье» Н. С. Лесков показывает сочетание чудесного и обыденного в простой истории своих персонажей.

Сразу отметим, что святочный и рождественский жанр относятся к календарной литературе, которая по определению Е. В. Душечкиной всегда имела важное значение в культуре русского народа. В рамках календарной литературы между рождественской и святочной особое место занимала ёлочная литература, которую Н. С. Лесков знал и учитывал в своих святочных рассказах.

Отсюда своеобразие чудесного и обыденного. Обыденное – это мир обычных вещей, которые до наступления святок так и остаются обычным столом, обычным стулом, обычными часами. Это мир бытовых предметов, которые окружают человека ежедневно, но во время святок наступает момент чуда, сказки. В это время человек получает шанс не только преобразиться, но и приобрести такие качества, как вера, любовь, доброта. И вокруг человека мир обычный, бытовой мир претерпевает изменения и тоже становится сказочным, этот мир приводит героя к его духовным испытаниям, фантастическим испытаниям, как в «Жемчужном ожерелье», «Штопальщике», в «Старом гении». И каждый к этому преображению идёт своим путём.

Чудесным у Лескова может стать не только стул и стол, но и дом, как происходит в «Инженерном замке», где оживают дома, становясь одушевлёнными, поскольку они начинают тоже иметь свою репутацию. Персонафикация несёт под собой чудесный, таинственный характер.

Аналогичная акцентировка на предмете происходит и в «Жемчужном ожерелье». Автор для усиления мистического эффекта использует суеверия, приметы, как например, считалось плохим на свадьбу одевать жемчужное ожерелье, тем более дарить.

Лесков настаивает, чтобы в святочном рассказе были не только мистические вещи, но и элементы истинного происшествия. Средством тому служит ведение повествования от первого лица («Жемчужное ожерелье», «Штопальщик», «Жидовская кувырколлегия», «Дух госпожи Жанлис», «Путешествие с нигилистом», «Старый гений», «Маленькая ошибка»). Притом примечательно, что в «Духе госпожи Жанлис» повествование идёт даже не от

рассказчика, а от самого автора, о чём нам говорят следующие строки: «ей почему-то нравился мой рассказ «Запечатленный ангел», незадолго перед тем напечатанный в «Русском вестнике»» [Лесков, 1989, 152], то есть автор не разделяет себя от рассказчика, приводит в пример свой собственный рассказ и говорит о событиях, которые якобы с ним происходили. Другой элемент, создающий образ действительности – это просторечная лексика, которая максимально сближает читателя и повествователя, она указывает на конкретное место и настоящее время – «нынче», «тут» и другие слова. Также стоит отметить, что повествование чаще ведётся в настоящем времени, то есть эта история происходит здесь и сейчас. Иным способом является использование в тексте реальных исторических личностей, подобно генералу Ламновскому, что создаёт эффект правдоподобия.

Таким образом, святочный рассказ получил новое развитие в творчестве Н. Лескова и во многом определил развитие жанра в последующие периоды.

Список литературы

Тексты

1. Святочные рассказы Николая Семеновича Лескова. – Санкт-Петербург, Москва : т-во М.О. Вольф, 1886. – 403 с.
2. Лесков Николай Семенович (1831-1895). Собрание сочинений: в 12 т. / Н. С. Лесков ; сост. и общ. ред. В. Ю. Троицкого. – Москва : Правда, 1989. Т. 7 / [иллюстрации И. С. Глазунова]. – 1989. – 462 с.
3. Лесков Н. С. Железная воля / Н. С. Лесков; рис. Н. Кузьмина. – Ленинград : ДЕТГИЗ, 1945. – 95 с.
6. Лесков Н. С. Маланьина свадьба. Святочный рассказ // Литературное наследство. Т. 101. Неизданный Лесков. Кн. 1. / Н. С. Лесков. – Москва : Наследие, 1997. – С. 466-473.
7. Лесков Н. С. Письма [Электронный ресурс] // Сайт Лесков Николай Семенович [Электронный ресурс]. – URL: <http://leskov.lit-info.ru/leskov/pisma/pisma.htm> (дата обращения 15.01.2025).

Основные источники

8. Афанасьев А. Н. Живая вода и вещее слово / А. Н. Афанасьев. – Москва : Вече, 2020. – 400 с.
9. Балакшина Ю. В. Религия и литература: аспекты взаимодействия (на материале русской литературы XIX века) / Ю. В. Балакшина // Вестник Свято-Филаретовского института. 2014. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiya-i-literatura-aspekty-vzaimodeystviya-na-materiale-russkoy-literatury-xix-veka> (дата обращения: 21.12.2024).
10. Болотов А. Т. Записки. В 3 т. Т.1 / А. Т. Болотов – Санкт-Петербург : Тип. В. С. Балашева, 1870. – 1016 с.

11. Васильева О. В. Мотивный комплекс раннего творчества Н. С. Лескова / О. В. Васильева // Вестник ВятГУ. 2009. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivnyy-kompleks-rannego-tvorchestva-n-s-leskova> (дата обращения: 23.12.2024).

12. Видуэцкая И. Творчество Лескова в контексте русской литературы XIX века / И. Видуэцкая // Вопросы литературы. - 1981 - №2. - С. 148-188. URL: <https://voplit.ru/article/tvorchestvo-leskova-v-kontekste-russkoj-literatury-xix-veka/> (дата обращения 10.01.2025).

13. Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах / М. Горький – Москва : Гослитиздат, 1953. – Т. 24. – 576 с.

14. Грамота царя Алексея Михайловича о коляде // Москвитянин – 1843, №1 С. 237-240.

15. Диккенс Ч. Рождественские повести / Ч. Диккенс. – Москва : Время, 2017. – 352 с.

16. Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра / Е. В. Душечкина – Санкт-Петербург : СПбГУ, 1995. – 256 с.

16. Жуковский В. А. Светлана. Ал. Ан. Протасовой / В. А. Жуковский // Москва : Вестник Европы, 1813. №1-2. Январь. – С. 67-75.

17. Завельская Д. А. Мотив чуда в изображении христианского праздника русской литературной традицией / Д. А. Завельская // Вестник славянских культур. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-chuda-v-izobrazhenii-hristianskogo-prazdnika-russkoj-literaturnoy-traditsiey> (дата обращения: 21.10.2024).

18. Игрище о святках Комедия в одном действии. — В Санктпетербурге: [Тип. Мор. кадет. корпуса], 1774. — 40 с.

19. Калесник Е. Ю. Публицистическое наследие Н.С. Лескова начала 1860-х годов : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Калесник Елена Юрьевна; [Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т]. – Мытищи, 2019. – 28 с.

20. Ключа И. К. Образ-символ вещи в святочных рассказах Н. С. Лескова «Жемчужное ожерелье» и «Неразмennyй рубль» / И. К. Ключа // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. №2 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-simvol-veschi-v-svyatochnyh-rasskazah-n-s-leskova-zhemchuzhnoe-ozherelie-i-nerazmennyy-rubl> (дата обращения: 21.10.2024).

21. Книжки «Недели». Февраль. Ежемесячный литературный журнал // Ред.-изд. В.П. Гайдебуров. – Санкт-Петербург. – 1894. – 208 с.

22. Козина, Т. Н. Жанровое своеобразие рождественского и святочного рассказов / Т. Н. Козина // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2017. – Т. 23, № 4(168). – С. 137-144. – EDN ZXHAWN (дата обращения: 03.01.2025).

23. Лебедева О. А. Метафорические образы в цикле Н. С. Лескова «Святочные рассказы»: двойное оценочное преобразование / О. А. Лебедева // Вестник МГУП. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskie-obrazy-v-tsikle-n-s-leskova-svyatochnye-rasskazy-dvoynoe-otsenochnoe-preobrazhenie> (дата обращения: 21.10.2024).

24. Лежева И. Первый русский рождественский рассказ / И. Лежева // Prosa.ru [сайт] – URL: <http://proza.ru/2010/01/04/531> (дата обращения: 13.09.2024).

25. Любецкий С. М. Старина Москвы и русского народа в историческом отношении с бытовою жизнью русских / С. М. Любецкий – Москва : Тип. Н. Ф. Савича 1-я Мещанская д. Козлова, 1872. – С. 192-194.

26. Макаревич О. В. Репрезентация готической повести в художественном сознании Н. С. Лескова (на примере цикла «Святочные рассказы» 1886 г.) / О. В. Макаревич // Вестник ННГУ. 2011. №6-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-goticheskoy-povesti-v-hudozhestvennom-soznanii-n-s-leskova-na-primere-tsikla-svyatochnye-rasskazy-1886-g> (дата обращения: 21.10.2024).

27. Меньшиков М. О. Художественная проповедь / М. О. Меньшиков // Книжки "Недели". Февраль. Ежемесячный литературный журнал / Ред.-изд. В.П. Гайдебуров. – Санкт-Петербург. – 1894. – 208 с.

28. Меретукова М. М. К вопросу о возникновении жанра рождественского рассказа в русской литературе / М. М. Меретукова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2014. №3 (145). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vozniknovenii-zhanra-rozhdestvenskogo-rasskaza-v-russkoy-literature> (дата обращения: 13.09.2024).

29. Меретукова М. М. Тема Рождества в творчестве Уилки Коллинза / М. М. Меретукова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tema-rozhdestva-v-tvorchestve-uilki-kollinza> (дата обращения: 13.09.2024).

30. Мотив как средство представления контекстуального содержания в святочных рассказах Н. С. Лескова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. №5 (158). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-kak-sredstvo-predstavleniya-kontekstualnogo-soderzhaniya-v-svyatochnyh-rasskazah-n-s-leskova> (дата обращения: 21.10.2024).

31. Напцок Б. Р., Меретукова М. М. Жанровые инварианты и своеобразие поэтики рождественской прозы (на материале русской литературы XIX - нач. XX в.) / Б. Р. Напцок, М. М. Меретукова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2017. №2 (197). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-invarianty-i-svoeobrazie-poetiki-rozhdestvenskoy-prozy-na-materiale-russkoy-literatury-xix-nach-xx-v> (дата обращения: 13.09.2024).

32. Овчинникова Н. С. «Ёлочная» литература XIX века // «Современная наука: вызовы, перспективы и возможности» : тезисы докладов I

Всероссийской научной студенческой конференции / Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна. – Санкт-Петербург : ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2024. – с. 281-282.

33. Плахова О. А. Лингвосемиотика английской сказки: жанровое пространство, знаковая репрезентация, дискурсивная актуализация: Монография / О. А. Плахова. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2013. – 308 с.

34. Плахова О. А. Сакральные тексты в английской лингвокультуре / О. А. Плахова // Язык и культура (Новосибирск). 2014. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sakralnye-teksty-v-angliyskoy-lingvokulture> (дата обращения: 31.10.2024).

35. Поздина И. В. Повести Н.С. Лескова 1860-х годов в аспекте жанрового синкретизма, мифопоэтики и народной культуры : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Поздина Ирина Васильевна; [Место защиты: Ур. гос. ун-т им. А.М. Горького]. - Екатеринбург, 2009. - 22 с.

36. Покровский А. А. Календари и святцы / А. А. Покровский – Москва, Синодальная типография, 1911. – С. LXIII.

37. Полевой Н. Разговор на святках / Н. Полевой // Московский телеграф, 1832. №17. –С. 20-64; №18 – С.164-201.

38. Полное собрание законов Российской империи (1676-1698) / Санкт-Петербург, 1830. – Т2. – № 1101. – 647 с.

39. Розанов В. В. Около церковных стен / В. В. Розанов – Санкт-Петербург : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1906. – Т.1. – 152 с.

40. Рыбкова И. В., Панкова А. И. «Запечатленный ангел» Р. К. Щедрина: в диалоге с Н. С. Лесковым / И. В. Рыбкова, А. И. Панкова // Вестник музыкальной науки. 2018. №3 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zapechatlennyy-angel-r-k-schedrina-v-dialoge-s-n-s-leskovym> (дата обращения: 21.10.2024).

41. Старыгина Н. Н. Лесков в школе / Н. Н. Старыгина – Москва : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – (Б-ка учителя-словесника). URL:

https://www.a4format.ru/pdf_files_bio/462a46f7.pdf (дата обращения: 13.09.2024).

42. Старыгина Н. Н. Святочный рассказ как жанр / Н. Н. Старыгина // Проблемы исторической поэтики. 1992. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyatochnyy-rasskaz-kak-zhanr-1> (дата обращения: 16.09.2024).

43. Старыгина Н. Н. Христианская семантика рассказа «Христос в гостях у мужика» Н. С. Лескова / Н. Н. Старыгина // Проблемы исторической поэтики. 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristianskaya-semantika-rasskaza-hristos-v-gostyah-u-muzhika-n-s-leskova> (дата обращения: 21.10.2024).

44. Трубицын Н. Н. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века / Н. Н. Трубицын – Санкт-Петербург : Тип. Гл. упр. Уделов, 1912. – 593 с.

45. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого / Н. Г. Устрялов – Санкт-Петербург : Тип. II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1858. – Т.3. – 496 с.

46. Хайдарова Р. Х., Самигуллина Л. З. Влияние русской литературы на формирование духовности россиян / Р. Х. Хайдарова, Л. З. Самигуллина // Дискуссия. 2014. №3 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-russkoj-literatury-na-formirovanie-duhovnosti-rossiyan> (дата обращения: 21.10.2024).

47. Харузин Н. Н. К вопросу о борьбе Московского правительства с народными языческими обрядами и суевериями в половине XVI в. / Н. Н. Харузин // ЭО, 1897. – № 1. – С. 143-151.

48. Хворова Л. Е. Опыт прочтения одной известной повести Н. С. Лескова (к 180-летию со дня рождения писателя) / Л. Е. Хворова // Вестник ТГУ. 2011. №12-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-prochteniya-odnoy-izvestnoy-povesti-n-s-leskova-k-180-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-pisatelya> (дата обращения: 03.01.2025).

49. Шкапа Е. С. Вере и неверии: к проблеме автоинтертекстуальности святочных рассказах Н. С. Лескова / Е. С. Шкапа // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. №2 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vere-i-neverii-k-probleme-avtointertekstualnosti-svyatochnyh-rasskazah-n-s-leskova> (дата обращения: 21.10.2024).

50. Шкапа Е. С. Интертекстуальный анализ как методологический прием для периодизации творчества (на примере святочных рассказов Н.С. Лескова) / Е. С. Шкапа // Новый филологический вестник. 2023. №1 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnyy-analiz-kak-metodologichskiy-priem-dlya-periodizatsii-tvorchestva-na-primere-svyatochnyh-rasskazov-n-s-leskova> (дата обращения: 21.10.2024).

51. Честертон Г. К. Чарльз Диккенс / Г. К. Честертон – Москва : Т8, 2018. – 226 с.

52. Эйхенбаум Б. М. О прозе / Б. М. Эйхенбаум – Ленинград : Художественная литература, 1969. – 455 с.

53. Fielding K. J. Review of Charles Dickens ‘ Uncollected Writings from «Household Words» 1850-1859. 217 p. URL: <http://www.victorianweb.org/authors/dickens/> (дата обращения: 13.09.2024).

Справочная литература

54. Литературная энциклопедия // Gufo.me. URL: https://gufo.me/dict/literary_encyclopedia/%D0%9F%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8C (дата обращения: 13.09.2024).

55. Малый академический словарь // Gufo.me. URL: <https://gufo.me/dict/mas/%D1%83%D0%B6%D0%B0%D1%81> (дата обращения: 22.11.2024).

56. Мультитран // URL: <https://www.multitrans.com/m.exe?l1=1&l2=2> (дата обращения: 13.09.2024).

57. Толковый словарь Кузнецовой // Gufo.me. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D1%87%D1%83%D0%B4%D0%B5%D1%81%D0%BD%D1%8B%D0%B9> (дата обращения: 21.11.2024).

58. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона – Санкт-Петербург: Ф.А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 11890-1907. – Т. XXIX.1900. – С. 263.